

Российский совет
по международным
делам

GLOBAL
ZERO

A WORLD WITHOUT
NUCLEAR WEAPONS

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ:

ПОИСКИ РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКОГО КОНСЕНСУСА В XXI ВЕКЕ

Российский совет по международным делам

Москва 2012 г.

УДК 327:355.014.1(082)

ББК 66.4(0,303я43)

Я34

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Члены коллегии:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов** (председатель)

докт. ист. наук, акад. РАН **В.Г. Барановский**,

докт. ист. наук, акад. РАН **А.М. Васильев**,

докт. экон. наук, акад. РАН **А.А. Дынкин**,

докт. экон. наук **В.Л. Иноземцев**,

канд. ист. наук **А.В. Коргунов**,

докт. экон. наук **В.А. Мау**,

докт. ист. наук, член-корр. РАН **В.В. Наумкин**,

докт. ист. наук, акад. РАН **С.М. Рогов**,

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев** (ученый секретарь)

Авторский коллектив:

Дж. Картрайт, Р. Берт, Ч. Хагель, Т. Пикеринг, Дж. Шихан, Б. Блэр; акад. РАН **С.М. Рогов**,
канд. воен. наук **В.И. Есин**, канд. тех. наук **П.С. Золотарев, В.С. Кузнецов**.

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; канд. полит. наук
Н.С. Евтихевич

Я34 **Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке** / [Дж. Картрайт, С. Рогов и др. ; гл. ред. : И. С. Иванов] ; Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М. : Спецкнига, 2012. — 64 с. — Авт. указаны на обороте тит. л. — ISBN 978-5-91891-213-3.

И. Картрайт, Дж., Рогов С.

И. Иванов, И. С., ред.

В докладах представлены позиции российских и американских специалистов по проблематике ядерного сдерживания и стратегической стабильности в XXI веке. Содержится информация о ядерной стратегии России и США, об оперативном статусе ядерных сил России и США, неядерных силах; предлагаются новые подходы к выстраиванию военно-стратегического баланса в XXI веке. Отмечается, что сохранение стабильности при низком уровне вооружений возможно. Возникает потребность в совместной оценке этого уровня, что обеспечит реализацию разумной программы по сокращению вооружений.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ДОКЛАД КОМИССИИ GLOBAL ZERO «МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ США В СФЕРЕ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ, СТРУКТУРЫ И ОПЕРАТИВНОГО СТАТУСА ЯДЕРНЫХ СИЛ»	9
Введение. Иллюстративное будущее ядерной политики и структуры ядерных сил США	9
Ядерная стратегия и оперативный статус ядерных сил в XXI веке.	15
Структура и оперативный статус ядерных сил США	16
Ключевые условия и стратегия 10-летней реализации.	23
Вывод.	34
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ В XXI ВЕКЕ	37
Новое содержание военно-стратегического баланса.	38
Нужны новые подходы	47
Доклад движения «Глобальный ноль»	48
1. Противоракетная оборона	50
2. Неядерные стратегические наступательные вооружения.	52

3. Новые меры доверия в военно-морской сфере.	53
4. Нестратегические ядерные вооружения	54
5. Ядерное оружие третьих стран.	57
Ядерная стратегия и оперативный статус ядерных сил России в XXI веке	58

ПРЕДИСЛОВИЕ

Доклады, подготовленные американскими и российскими экспертами в области ядерной безопасности, послужили основой для проведения международной конференции «Ядерное оружие и международная безопасность в XXI веке» в МГИМО (У) МИД России 8 ноября 2012 года. Организаторами выступили Российский совет по международным делам (РСМД) и международная организация Global Zero. Доклады конференции и дискуссия внесли большой вклад в углубление диалога между двумя сторонами, способствовали выработке совместной позиции по различным аспектам проблемы и развитию сотрудничества в области безопасности.

Если мы будем непредвзято воспринимать точку зрения друг друга, наши отношения могут стать конструктивными и более прозрачными. Обсуждения такого рода очень важны для принятия действенных мер по выстраиванию и проведению политики в области безопасности, отвечающей интересам обоих государств.

Состоявшийся в Москве продуктивный обмен мнениями не следует рассматривать как часть «перезагрузки» в отношениях России и США. Этот термин подразумевает возвращение к прошлому, а наши отношения прежде строились на основе угрозы взаимного уничтожения. Консенсус, отражением которого стало данное издание, а также наши дискуссии на конференции в Москве подчеркивают наличие в обеих странах безусловного стремления переформатировать наши отношения таким образом, чтобы в их основе лежала новая конструкция системы взаимной безопасности. Система безопасности XX века, основанная на взаимном ядерном сдерживании, должна уступить место новой системе XXI века, краеугольным камнем которой будет не конфронтация, а сотрудничество.

Значение, которое будут иметь подобные подвижки в наших отношениях, трудно переоценить. Мировое сообщество ожидает, что России и США будет принадлежать ведущая роль в решении глобальных экономических и экологических задач, равно как и проблем безопасности в XXI веке. Однако трудно поверить, что мы сможем решать эти общие для всех проблемы, следуя, как раньше, политике ядерного сдерживания, в основе которой лежит угроза уничтожения друг друга в случае возникновения конфликта. Эта устаревшая политика ограничивает наши возможности в достижении уровня доверия и сотрудничества, необходимого для решения реальных проблем, стоящих сегодня перед всем мировым сообществом.

Важно, чтобы в наращивании усилий по переформатированию отношений между нашими странами в области безопасности увеличивалось количество встреч, обменов мнениями и совместных исследований, а также расширялись рамки обсуждаемых вопросов с участием представителей государственной власти и экспертов на всех уровнях. Это относится и к неправительственным организациям, подобным тем, которые приняли участие в международной конференции «Ядерное оружие и международная безопасность в XXI веке» в ноябре 2012 года в Москве. Они могут внести большой вклад в развитие диалога и поиск решений по вопросам, представляющим общий интерес.

Благодаря диалогу удалось объединить в более стройную систему различные взгляды на проблемы ядерной политики, противоракетной обороны, вопросы нераспространения ядерного оружия и терроризма. Как мы и предполагали, разногласия между сторонами оказались меньше, чем их обычно пытались представить, а общие интересы, которые объединяют нас в поисках ответа на глобальные угрозы, — намного шире, чем казалось.

Анализ сферы вооружений, предложенный обеими сторонами, показывает, что имеется значительный потенциал для дальнейшего двустороннего сокращения наших arsenалов. В докладе комиссии Global Zero говорится о перспективах в следующем раунде переговоров договориться о сокращении общих запасов США в объеме до 80 % и о снятии с боевого дежурства остающихся пусковых установок. Авторы российского исследования, включенного в сборник и представленного на конференции, считают, что существует возможность сократить общий арсенал России на 70 %.

Авторы обоих докладов лично поддержали идею масштабного сокращения и выступили с предложением о снятии с боевого дежурства всех оставшихся стратегических сил России.

Разумеется, при интенсивной совместной работе отчетливее видны и различия в наших подходах, что, впрочем, не менее полезно в решении проблем. Например, поиск решений в ответ на возражения России против американской программы противоракетной обороны зависит, кроме всего прочего, от эффективности аналитической работы, в ходе которой можно изучить параметры проблемы и прояснить вопрос для обеих сторон. В наших докладах предложены новые способы проведения совместного анализа, которые могут помочь разрешить разногласия. Тупиковую ситуацию между США и Россией в области противоракетной обороны можно преодолеть. Требуется дальнейшее сотрудничество между экспертами по этому направлению, а также по другим вопросам в сфере безопасности.

Как в настоящем издании, так и в ходе московских дискуссий сложилось общее мнение о необходимости распространить меры контроля над ядерными вооружениями и на другие ядерные державы. Большинство российских и американских участников конференции, а также многие участники из других ведущих ядерных стран (Великобритания, Франция, Пакистан и Израиль) поддержали идею организации многосторонних переговоров по сокращению ядерных вооружений. Главный вопрос в повестке наших дальнейших совместных исследований и дискуссий — когда и как, наряду с США и Россией, можно будет привлечь Китай и другие страны к участию в серьезном многостороннем обсуждении, с целью принятия международных обязательств по замораживанию, пропорциональному сокращению и иным мерам ограничения своих арсеналов.

Участники в целом согласны, что смысл понятия «стратегическая стабильность» должен быть расширен и, помимо потенциала «ядерного ответа», в это понятие следует включить угрозу кибервойн, противоракетную оборону, обычные вооружения, а также факторы «мягкой» силы в уравнении безопасности и мощи в XXI веке. При сокращении запасов ядерного оружия необходимо в то же время поддерживать многополярную стабильность по широкому спектру показателей. Такая стабильность важнее, чем простая инвентаризация имеющихся вооружений. Сохранение стабильности при низком уровне вооружений возможно. Возникает потребность в более точной, совместной оценке этого уровня (с участием, помимо российских и американских, китайских и других экспертов), что обеспечит реализацию разумной программы по сокращению вооружений.

Наконец, по мнению экспертов РСМД и Global Zero, сотрудничество по вопросам военных технологий поможет улучшить ситуацию по ряду проблем, существующих между США и Россией в вопросах обеспечения

безопасности. В связи с этим эксперты рекомендуют провести совместное исследование возможностей и перспектив такого сотрудничества.

Успех первой конференции, проведенной Российским советом по международным делам (РСМД) и организацией Global Zero, должен послужить новым стимулом в совместной деятельности наших экспертов по решению широкого круга проблем. Мы выражаем нашу благодарность Игорю Сергеевичу Иванову и Анатолию Васильевичу Торкунову за работу, которую они провели по организации дискуссий, заложивших основу для нашего дальнейшего сотрудничества.

Джеймс Картрайт,
генерал в отставке,
Сергей Михайлович Рогов
академик РАН,
директор Института США и Канады РАН

ДОКЛАД КОМИССИИ GLOBAL ZERO «МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ США В СФЕРЕ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ, СТРУКТУРЫ И ОПЕРАТИВНОГО СТАТУСА ЯДЕРНЫХ СИЛ»¹

ВВЕДЕНИЕ. ИЛЛЮСТРАТИВНОЕ БУДУЩЕЕ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ И СТРУКТУРЫ ЯДЕРНЫХ СИЛ США

Данный доклад иллюстративно очерчивает структуру, стратегию и оперативный статус американских ядерных сил, которые отражают альтернативную конструкцию сдерживания в XXI веке. Мир двадцатого века с bipolarной силой и советско-американской конфронтацией внезапно приобрел многополярную схему с множеством новых баз геополитической, экономической и военной мощи. Для Соединенных Штатов сдерживание и отражение агрессии в современном мире зависят гораздо меньше от предполагаемой угрозы ядерного нападения и гораздо больше от искусных упражнений по применению всех инструментов власти, как «мягких», так и «жестких». Безопасность, ранее организованная вокруг двустороннего противостояния, теперь в большей степени определяется многосторонним сотрудничеством.

В рамках этого глубокого сдвига Соединенные Штаты будут уменьшать свою опору на ядерное оружие и, следовательно, стремиться к

¹ Доклад подготовлен коллективом авторов международной организации Global Zero: генералом в отставке Джеймсом Картрайтом; руководителем организации Ричардом Бертом; сенатором Чаком Хагелем; послом Томасом Пикерингом; генералом в отставке Джеком Шиханом; директором исследовательских программ Брюсом Блэром. Доклад опубликован в мае 2012 года и представлен на конференции «Ядерное оружие и международная безопасность в XXI веке», организованной Российским советом по международным делам, международной организацией Global Zero и МГИМО (У) МИД России, состоявшейся 8 ноября в Москве, МГИМО (У) МИД России.

Global Zero — международное движение за ликвидацию всех видов ядерного оружия. Состав движения вырос до 300 лидеров, 450 000 граждан во всем мире. Организацией Global Zero разработан поэтапный план по ликвидации ядерного оружия, организовано международное студенческое движение со 100 кампусами в десяти странах. Президент США Барак Обама, президент России Дмитрий Медведев, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, премьер-министр Индии Манмохан Сингх, премьер-министр Японии Эсихико Нода и Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун поддержали движение Global Zero.

достижению дальнейших сокращений ядерных арсеналов России и США за рамками, предусмотренными ратифицированным Договором об СНВ 2011 года. В нашем иллюстративном плане Соединенные Штаты в течение ближайших десяти (10) лет снижают свой арсенал до максимального общего уровня в 900 ядерных боезарядов², а также увеличивают время на предупреждение и принятие решения в отношении применения этого уменьшенного арсенала³. Эти шаги могли бы быть предприняты в унисон с Россией через взаимные президентские директивы, очередной раунд двусторонних переговоров о сокращении вооружений, либо выполняться в одностороннем порядке. Параллельно эти две державы, обладающие львиной долей ядерного оружия в мире, также работали бы вместе, чтобы привлечь все ядерные страны за стол первых в истории многосторонних переговоров по ограничению ядерных вооружений.

Эти наглядные следующие шаги возможны и желательны по пяти основным причинам. Во-первых, взаимное ядерное сдерживание, основанное на угрозе ядерного возмездия за нападение, уже не является краеугольным камнем американо-российских отношений в сфере безопасности. Безопасность является, главным образом, направлением мыслей, а не физическим состоянием, и взаимное гарантированное уничтожение (англ.: MAD) больше не занимает центральное психологическое или политическое пространство в американо-российских отношениях. Конечно, в наших отношениях остаются физическая и техническая стороны MAD, но они становятся все более и более второстепенными. Ядерное планирование конфликта между нашими странами в стиле холодной войны, обусловленное в значительной степени сохраняющейся инерцией и корыстными интересами, находится на обочине и использует устаревшие сценарии, которые в сегодняшних условиях неправдоподобны. В современном мире не существует такой мыслимой ситуации, когда в интересах национальной безопасности одной страны надо было бы начать ядерную атаку против другой стороны. В настоящее время запасы этих двух стран (в каждой около 5000 ядерных боезарядов, включая развернутые и резервные) значительно превышают то, что необходимо для удовлетворения разумных потребностей сдерживания между двумя странами, а также по отношению к третьим странам, чьи ядерные арсеналы бледнеют при количественном сравнении с Россией и США.

Во-вторых, действительно существующие угрозы для наших двух стран (и мира) не могут быть решены с помощью наших ядерных арсеналов. Ни один разумный аргумент не был еще выдвинут в обоснование применения ядерного оружия

² Под «общим уровнем» мы имеем в виду все категории оружия в активном запасе — стратегические и нестратегические («тактические»), развернутые и в резерве.

³ См. также Global Zero Action Plan (План действий «Глобал зеро»), февраль 2010.

для решения любой из основных проблем двадцать первого века, с которыми мы сталкиваемся, — угроз, исходящих от государств-изгоев, недееспособных государств, распространения оружия массового поражения (ОМП), региональных конфликтов, терроризма, кибервойн, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков, эпидемий или изменения климата, массовой миграции беженцев в результате конфликтов. Большой ядерный арсенал, оставшийся от холодной войны, не может быть эффективно использован для ликвидации любой из этих опасностей — например, он не в состоянии надежно сдерживать или победить террористов без обратных последствий, а его влияние на распространение оружия массового поражения (ОМП) может быть в значительной степени контрпродуктивным. На самом деле сохранение ядерного оружия, возможно, становится больше частью проблемы, чем частью какого-то решения. Например, наши большие запасы ядерного оружия и инфраструктуры увеличивают риск хищений со стороны негосударственных субъектов. Минимизация этих рисков стоит миллиарды долларов каждый год, и до сих пор они остаются предметом глубокой озабоченности; главы государств встречаются ежегодно, чтобы предпринимать более решительные усилия по обеспечению сохранности ядерных материалов.

В то время как кто-то воспринимает наши ядерные арсеналы как играющие определенную роль в сдерживании ядерных стран наподобие Северной Кореи от нападения на нас или наших союзников, для этой цели огромные арсеналы не нужны. Нам, конечно, не нужны тысячи единиц современного ядерного оружия, чтобы играть эту роль по отношению к странам с кучкой примитивных ядерных устройств. В действительности сильные обычные вооруженные силы и противоракетная оборона могут предложить гораздо лучший вариант для сдерживания и разгрома регионального агрессора. Неядерные силы являются также гораздо более надежным инструментом в XXI веке для обеспечения уверенности союзников, чья комфортная зона обеспечивалась в двадцатом веке американским ядерным зонтиком. Высокоточные обычные боеприпасы держат под контролем почти весь спектр потенциальных целей, и их применение допустимо⁴.

Драматический сдвиг в величине угрозы окружающей среде, произошедший на рубеже XX—XXI веков, подчеркивается в прошлогоднем обзоре мнений нескольких сотен экспертов, который был выполнен Советом по международным отношениям⁵. Россия даже не упоминается среди двадцати (20) наиболее серьезных непредвиденных обстоятельств, которые, по мнению этих экспертов, непосредственно угрожают Соединенным Штатам или странам, имеющим

⁴ О строгой аналитической оценке возможностей современных обычных вооружений по выполнению миссий, ранее возложенных на ядерные силы, см. «Conventional Forces for Extended Deterrence» («Обычные силы для расширенного сдерживания»), Global Zero, технический отчет, готовится.

⁵ «Preventative Priorities Survey» («Обзор превентивных приоритетов»), Council on Foreign Relations (Совет по международным отношениям), 8 декабря 2011.

стратегическое значение для Америки. Гораздо более тревожными для них представляются такие призраки, как: массивные кибератаки на сети электроснабжения США; серьезная внутренняя нестабильность в Пакистане, усиливающая предпосылки для попадания ядерного оружия в руки террористов; незаконный оборот наркотиков в Мексике; политическая нестабильность в Саудовской Аравии, угрожающая глобальным поставкам нефти, и коллапс евро, который втягивает экономику США в глубокую рецессию.

Еще одним убедительным способом проиллюстрировать этот тектонический сдвиг является описание угроз в контексте трех случаев, когда Соединенные Штаты переводили свои ядерные силы в состояние повышенной готовности во время кризисов, угрожавших их национальной безопасности. В ходе этих кризисов предпринимались серьезные шаги по увеличению готовности США к проведению ядерных операций — например, боевые расчеты в подземных пунктах управления стратегическими ракетами извлекали из сейфов пусковые ключи и идентификационные коды и пристегивались в своих креслах ремнями в ожидании взрывов прибывающих ядерных боеголовок. В первый раз так случилось во время кубинского ракетного кризиса 1962 года. Во второй раз это произошло во время арабо-израильской войны 1973 года (Yom Kippur War). Оба случая продемонстрировали характерное для XX века балансирование на грани ядерной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом — манипуляцию ядерной эскалацией, насилием и риском в стиле холодной войны. Но третий и последний случай был совсем другим. Это произошло 11 сентября 2001 года. Мощный ядерный арсенал оказался абсолютно бесполезным. Он не смог сдержать 11 сентября терроризм и показал свою полную бесполезность в борьбе с многосторонней атакой. В действительности боевые расчеты ракет «Минитмен» боялись, что они сами могут стать целями террористов. Конечный ответ США, разумеется, принял исключительно обычный (неядерный) вид — разгром талибов и оккупация Афганистана.

Трагедия 9/11 обнажила отсутствие эффективности — по сути, неуместность — ядерных сил в борьбе с угрозами двадцать первого века. Последний эпизод острой ядерной конфронтации между русскими и американцами имел место около сорока (40) лет назад. С тех пор ядерное оружие все чаще становится обязательствами, а не полезным активом.

В-третьих, рекомендация о том, чтобы сделать сокращение ядерных вооружений многосторонним предприятием, позволила бы излечиться от основного недостатка текущих переговоров по ядерным вооружениям — «исключение всех, кроме американцев и русских». Из-за такого подхода многие из наиболее серьезных ядерных рисков в современном мире находятся за рамками возможностей по их устранению через существующий форум переговорного регулирования. Ограничиваясь только участием Соединенных Штатов и России в

двустороннем форуме, мы по заслугам получаем длинный и растущий список новых ядерных угроз — таких, например, как ничем не вынужденные усилия Пакистана по производству расщепляющихся материалов и увеличению своего ядерного арсенала с бешеной скоростью, что может передвинуть его на третье место в иерархии по размеру арсеналов. XXI век, полный новыми ядерными угрозами, наподобие этой, требует всеобъемлющего ядерного диалога и переговоров с участием всех ядерных государств, а также ключевых неядерных стран. Их цель должна состоять в том, чтобы перекрыть, заморозить, пропорционально уменьшить или обуздать иным образом ядерные программы по всем направлениям, а не только американские и российские программы.

Сложно собрать всех к столу в самом начале. Вероятно, эти усилия будут успешными, если начать с диалога с Китаем и другими странами, в частности, по вопросам транспарентности и верификации. Обмен информацией о количестве, типах и местах размещения ядерных запасов является важным первым шагом в создании основы для формальных переговоров по контролю над вооружениями⁶. Согласованные действия Соединенных Штатов и России могли бы постепенно превратить такой диалог в официальные переговоры с участием ядерных стран, не являющихся участниками ДНЯО (Индия, Пакистан, Израиль), а также Китая и других членов официальной ядерной пятерки Р-5 (США, Великобритания, Франция, Россия). Лидерство России и США в этой области было бы подкреплено дальнейшими глубокими сокращениями их арсеналов до максимума в 1000 единиц боезарядов. Запасы оружия по 500–1000 единиц с каждой стороны есть примерно тот уровень, на котором Китай мог бы быть вовлечен в этот процесс. По мере того, как все больше стран будут присоединяться, станет сложнее для остальных оставаться в стороне. Важно начать эту работу немедленно, чтобы сделать контроль над ядерными вооружениями универсальным и соответствующим ядерным угрозам в XXI веке.

Четвертая причина для проведения дальнейших иллюстративных шагов по двустороннему и многостороннему контролю над вооружениями состоит в том, что мир тратит огромные суммы на производство и сохранение ядерного оружия и на смягчение последствий его наличия для окружающей среды и здоровья. По оценкам Global Zero, эта сумма превысит один триллион долларов в течение ближайших 10 лет⁷. В период глобального экономиче-

⁶ Предложения в этом докладе по ответу на вызовы в части мониторинга и верификации включают дальнейшее укрепление инспекций на местах и разработку новых технических методов для проверки наличия самих боеголовок без раскрытия чувствительной информации об их устройстве. Мы полагаем, что сегодняшний и ожидаемый рост возможностей мониторинга будет достаточным, чтобы обеспечить способность сторон проверять соблюдение условий многосторонних сокращений и понижения готовности ядерных сил, предложенных здесь.

⁷ Bruce G. Blair and Matthew A. Brown, «Nuclear Weapons Cost Study» («Исследование стоимости ядерного оружия»), Global Zero, технический доклад, июнь 2011.

ского спада и острого бюджетного давления на правительства, мир не может позволить себе расточать скудные ресурсы на ядерные силы. США и Россия ежегодно тратят на них около 60 миллиардов и 15 миллиардов долларов соответственно, включая расходы (фактические или отложенные) на поддержание здоровья и экологическую реабилитацию на радиоактивно загрязненных объектах (или 30 миллиардов и 10 миллиардов долларов соответственно на их основную деятельность). Кроме того, обе стороны приступают к дорогим программам модернизации, чтобы заменить свои устаревающие силы и инфраструктуру. Вынуждаемые в основном стратегическими программами друг друга, эти работы в России оцениваются величиной свыше 70 миллиардов долларов в течение следующего десятилетия, а в Соединенных Штатах свыше 200 миллиардов долларов в течение ближайших двадцати лет. Эти огромные инвестиции обусловлены устаревшей логикой — логикой холодной войны XX века. Это сомнительные инвестиции в чрезмерное количество оружия, которое не может быть использовано, и планируются они за счет необходимых и вполне применимых обычных вооружений. Например, на замену сегодняшнего флота подводных лодок «Трайдент» потребуется три четверти судостроительного бюджета ВМС США в течение многих лет. Перед подобными крайними компромиссами стоят лицом к лицу многие другие страны, такие как Великобритания, которые сталкиваются с решением по замене их стареющих ядерных сил.

Пятая, и последняя, причина для выполнения указанных иллюстративных шагов заключается в том, что высокая оперативная готовность ядерных ракет России и США к пуску создает излишний риск. Эта сегодняшняя техническая ситуация — опасный пережиток холодной войны, где время на предупреждение об атаке и принятие решения в сети командования и управления сотнями ядерных ракет измеряется в минутах и секундах. Сроки, и предельные сроки, для экзистенциальных (относящихся к реальности) решений с обеих сторон могут быть чрезвычайно короткими. Боевые расчеты в американских центрах раннего предупреждения, ответственные за оценку того, является индикация о ракетной атаке реальной или ложной (ситуация, случающаяся ежедневно), могут иметь только три (3) минуты для доклада о своих выводах. В чрезвычайной ситуации высокопоставленные американские ядерные военачальники, созванные по телефону, будут иметь лишь тридцать (30) секунд для того, чтобы проинформировать Президента об имеющихся у него вариантах ядерного удара и их последствиях. Президент, если его заставили поверить, что атака реальна, будет иметь не более двенадцати (12) минут, чтобы решить, ответить ли с применением ядерного оружия или же пойти на риск обезглавливания своей системы управления и децимации («казни каждого десятого») в американских силах ответного удара. После получения приказа на

пуск, переданного без предварительного оповещения и подготовки, расчеты в американских подземных командных пунктах и на подводных лодках будут иметь лишь две (2) и двенадцать (12) минут соответственно, чтобы выпустить ракеты из шахт и пусковых контейнеров в их тридцатиминутный, или более короткий, полет к целям на другой стороне планеты. В мирное время ракеты всегда готовы к пуску — в варианте шахтного базирования они вооружены, запрограммированы, нацелены и начнут стартовать сразу же после получения короткой последовательности компьютерных сигналов от своих боевых расчетов. Ракеты, базирующиеся на подводных лодках, почти так же готовы. Готовность российских ракет к столь же быстрым операциям примерно та же.

По-прежнему существуют, хотя и невысокие, риски запуска ракет вследствие случайности, просчета, ошибки, ложного предупреждения, неверного решения или несанкционированных действий⁸. Результаты были бы катастрофическими. С учетом окончания холодной войны имеет смысл положить конец оставшейся от нее практике подготовки к развязыванию крупномасштабной ядерной войны по предупреждению в течение минут. Готовность к пуску ракет должна быть снижена и приведена в соответствие с текущими политическими реалиями в американо-российских отношениях. Время на предупреждение и принятие решения может быть увеличено до нескольких дней, а не минут, для стратегических сил, и до дней и недель, а не часов, для тактических сил.

ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ОПЕРАТИВНЫЙ СТАТУС ЯДЕРНЫХ СИЛ В XXI ВЕКЕ

Для безопасности США требуется стратегия, которая имеет дело с изменением характера глобальных угроз и новыми приоритетами, возникающими как следствие этого изменения. Риск ядерного противостояния между США и Россией или Китаем принадлежит прошлому, а не будущему, в то время как распространение ядерного оружия и ядерный терроризм представляют реальные и растущие риски, и их предотвращение или аннулирование требует глобального сотрудничества между бывшими противниками.

Переход к новой стратегии требует коренного изменения по множеству векторов: смещение акцента с ядерного сдерживания на общее сдерживание набора инструментов, находящихся в распоряжении враждебных

⁸ Мы считаем, что эти риски в незначительной степени угрожают несанкционированным пуском ракет. Это крайне маловероятно с учетом имеющихся систем защиты в ядерных силах США и России, хотя риск будет расти в случае кризисного распространения ядерного оружия, в частности российского тактического ядерного оружия. Несанкционированное использование также является серьезной проблемой в сценариях, связанных с захватом ядерного оружия террористами, и для сценариев с участием третьих стран, таких как Пакистан, чьи организационные и технические меры защиты могут оказаться неадекватными.

правительств; от ядерного к обычному; от наступления к обороне (активной и пассивной); от глобального до регионального, на театре и даже местного; от небольших до глубоких сокращений ядерных запасов; от высокой до низкой готовности к запуску ядерных ракет; от институциональных отношений с Россией и Китаем на основе угрозы к модели систематического сотрудничества и даже оперативной координации; от индивидуальных к коллективным подходам к решению возникающих региональных и локальных угроз; от проектирования глобальной угрозы внезапного ядерного удара, который сдавливает процесс принятия решения, к устранению этой угрозы и увеличению времени на предупреждение и принятие решения; от «позитивного» контроля, обеспечивающего быструю реализацию ядерной способности, к «негативному» контролю, позволяющему предотвратить случайное или несанкционированное применение ядерного оружия и не допустить его захват террористами.

Ядерные силы США, которые удовлетворяют развивающимся требованиям этого перехода и помогают препятствовать распространению ядерного оружия и терроризму, будут иметь некоторые характерные черты: (1) существенно сниженные запасы ядерного оружия и средств его доставки на пути по их сокращению, проводимому по контролируемым этапам с целью их полной ликвидации (Global Zero); (2) пониженная боевая готовность, требующая 24–72 часа, чтобы создать способность для выполнения наступательных ядерных ударов, тем самым снимая сильное давление на процесс принятия решений в ядерной сфере, которое существует в настоящее время; (3) более безопасные, консолидированные и «заблокированные» запасы ядерного оружия, что снижает изо дня в день риски его хищения или непреднамеренного использования, (4) готовые к применению быстрые и глобальные противоракетная оборона и обычные силы, способные хорошо функционировать в течение 24–72 часов, пока региональный противник не будет сдержан или побежден в начальный период конфликта до восстановления готовности наступательных ядерных сил; и (5) система командования, управления, связи и раннего предупреждения, которая могла бы сохранять и поддерживать согласованность действий в течение длительного периода времени и обеспечивать эффективный переход от «негативного» к «позитивному» контролю за ядерными силами на начальном этапе конфликта.

СТРУКТУРА И ОПЕРАТИВНЫЙ СТАТУС ЯДЕРНЫХ СИЛ США

Иллюстративные ядерные силы, обладающие такими характеристиками, будут состоять из арсенала в 900 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной степени готовности, которые могли бы быть созданы

в течение десяти (10) лет (к 2022 году). Половина этих сил будет развернута, а остальные — храниться в резерве⁹. Развернутые силы с 450 боеголовками будут находиться в пониженной готовности, которая требует небольшого количества дней (24–72 часа), чтобы подготовить ракеты к пуску. Большинство из 450 резервных боеголовок могут быть взяты из хранилищ и загружены на носители в течение периода от нескольких недель до нескольких месяцев.

ПЛАРБ «Трайидент» и бомбардировщики В-2

Эти воображаемые силы будут состоять из десяти (10) подводных лодок «Трайидент», вооруженных 720 стратегическими боеголовками (360 развернутых, 360 в резерве), и 18 (восемнадцати) бомбардировщиков В-2 со 180 бомбами свободного падения (90 развернуто, 90 резерв). Подводный флот будет иметь высокую степень выживаемости в течение многих десятилетий — в настоящее время нет какого-либо равного конкурента, имеющего способность эффективно бороться с ПЛАРБ США в море и технологические прорывы, которые могли бы угрожать этой выживаемости несколько следующих десятилетий¹⁰. И подводные лодки, и бомбардировщики обеспечивают высокую степень гибкости по причинам, изложенным ниже.

Ликвидированные ядерные МБР и тактическое оружие

Наземные силы с МБР «Минитмен» будут ликвидированы. МБР могут поддерживать только ядерные операции против России, поскольку, чтобы МБР нынешнего поколения, запущенные из существующих трех (3) баз (показаны на карте ниже) по траекториям с минимальной энергией, могли достигать цели в потенциальных враждебных третьих странах (например, Иран, Северная Корея), они должны пролетать над Россией и Китаем, и лететь в опасной близости к России, чтобы достичь Сирии. Американским МБР придется также лететь над Россией для достижения целей в Китае.

Так что простор для операций американских межконтинентальных баллистических ракет крайне ограничен в орбитальном отношении. (Основные параметры орбит являются несекретными). Поскольку прямые ядерные операции против одной России или России — Китая в совокупности были сценариями холодной войны, которые больше не правдоподобны, а также потому,

⁹ Сегодня соотношение развернутых боеголовок к находящимся в резерве составляет примерно 1 к 2,25. По нашим оценкам, к 2022 году станет возможным достичь соотношения 1:1. Дальнейший прогресс в повышении совместимости боеголовок приведет в ближайшие годы к дальнейшему сокращению потребности в резервных боеголовках для копирования развернутых арсеналов и защиты от системного дефекта в любом типе боеголовки.

¹⁰ В отдаленном будущем (30–50 лет) существуют потенциальные угрозы, которые могли бы драматически изменить этот прогноз. Главной среди них является перспектива того, что утонченные датчики, связанные с суперкомпьютерами с продвинутой фильтрацией данных, смогут в достаточной степени стирать маскирующие факторы океанской среды и выявлять подводные лодки.

что пролет ракет над Россией на их пути к более южным целям (в Китае, Северной Корее, Иране) рискует ввести Россию в заблуждение с неопределенной индикацией атаки и инициированием ядерного возмездия, МБР США утратили свою главную полезность. В отличие от этого, американские подводные лодки «Трайидент» и стратегические бомбардировщики В-2 могут доставить ядерное оружие практически в любую точку на Земле по таким траекториям полета, чтобы избежать нежелательных территориальных вторжений, которые нарушают национальный суверенитет и рискуют вызвать ядерный ответ.

Кроме того, МБР в фиксированных шахтах являются, по сути, легкими объектами для прицеливания, и их выживание в рамках некоторых сценариев нападения противника в значительной степени зависит от своевременности предупреждения об атаке. Отрезки времени на предупреждение и принятие решения, как описано выше, измеряются в минутах и секундах. Обеспечивая «своевременный» пуск, они в то же время слишком «безотлагательны» и усугубляют риск запуска ракет на основе ложного предупреждения. Так как только российские ядерные ракеты могли бы физически уничтожить МБР США и поскольку холодная война закончилась, это в значительной степени является техническим риском в отрыве от политических реалий. Тем не менее концепция быстрого реагирования американских МБР остается в действии и создает реальную опасность случайного или ошибочного запуска.

В отличие от МБР, выживание американских ПЛАРБ в море не зависит от их быстрой стрельбы, и это позволяет увеличить время принятия решения в ходе

ядерного кризиса. Хотя линии связи ПЛАРБ к высшему руководству не столь устойчивы и надежны, как у МБР, они в ходе боевого патрулирования нормально поддерживают непрерывную связь на очень низких частотах (ОНЧ) и могут быстро запустить ракеты по указанию национального командования¹¹. ПЛАРБ на патрулировании может провести пуск ракет через двенадцать (12) минут по сравнению с 2 (двумя) минутами для МБР. Эффективной защиты от боеголовок баллистических ракет, запущенных с подводных лодок, не существует.

Стратегические бомбардировщики находятся между этими стульями. Хотя они должны загружаться ядерными бомбами и переводиться в готовность в условиях кризиса (в течение 24–48 часов), а затем быстро взлетать при получении сигнала предупреждения об атаке, чтобы выжить, стратегические бомбардировщики очень гибки в полете в выборе путей к цели в любой точке земного шара. Они также пригодны к применению во многих сценариях с участием третьих стран и могут нести на борту смертоносное обычное вооружение наряду с ядерным оружием, чтобы обеспечить большую гибкость и удобство использования. Однако бомбардировщики имеют недостатки. Они медленны в достижении своих целей (много часов, как минимум), требуют дозаправки для дальних миссий и могут иметь трудности с преодолением рубежей защиты по сравнению с боеголовками БРПЛ и МБР.

Все американское тактическое ядерное оружие будет ликвидировано в течение ближайших десяти лет. Его военная полезность практически равна нулю¹². Оно не имеет поставленных задач, как части любого плана войны, и оставалось развернутым на сегодняшний день в рамках НАТО только по политическим причинам. Обязанность обеспечивать союзников США в Европе и Азии американским обязательством по их защите и расширению сдерживания останется на американских стратегических ядерных и обычных силах, которые вполне в состоянии выполнять это.

Оперативный статус и ядерное сдерживание

Флот из 10 ПЛАРБ «Трайидент» выделит семь (7) подлодок для Тихоокеанского и 3 (три) для Атлантического бассейнов. Если предположить, что две (2) лодки, как правило, находятся в ремонте и что ВМС США сохранят свою исторически сложившуюся интенсивность боевого патрулирования в семьдесят (70) процентов от остальной части, то, как правило, в Тихом и Атлантическом океанах будут обычно находиться четыре (4) и две (2) ПЛАРБ

¹¹ Стремительное развитие новых способов связи на более высоких частотах с применением специальных буев, рассеянных по поверхности океана для обеспечения контакта пларб с вышестоящим командованием, значительно повышает надежность передачи пускового приказа для подводных лодок в любых условиях. Прошлого, ясно очерченного преимущества МБР перед ПЛАРБ в отношении передачи им приказов по действиям в чрезвычайной обстановке более не существует.

¹² См. Global Zero NATO-Russia Commission Report, февраль 2012.

соответственно, которые несут всего 270 боеголовок. Эти повседневные силы будут выживаемыми в сложных условиях и универсальными в обеспечении огромного охвата целей у всех перспективных агрессоров, имеющих ядерное оружие. Но силы в 270 боеголовок не будут создавать угрозу первого удара для России¹³. Кроме того, эти силы будут действовать в рамках измененной системы готовности за пределами обычных мест для пуска ракет и требовать от 24 до 72 часов, чтобы восстановить способность к немедленному наступательному удару, что увеличит количество времени, имеющегося у лидеров со всех сторон. Это позволит предотвратить слишком поспешное решение своих собственных лидеров и устранить угрозу внезапного нападения, которая в противном случае могла бы побудить противоположную сторону к быстрому ошибочному запуску своих ракет.

В чрезвычайной ситуации еще две (2) тихоокеанские ПЛАРБ, находившиеся в порту и вооруженные девятью десятками (90) дополнительных боеголовок, могут быть выведены в море в течение нескольких часов, а флот из восемнадцати (18) бомбардировщиков В-2 загружен 90 (девятью) боеголовками и приведен в полную готовность в течение 24–48 часов. Таким образом, спустя 24–72 часа на дополнительное формирование сил общее количество высоковыживаемых американских боеголовок увеличится до 450.

Затяжной ядерный кризис или резкое ухудшение геостратегических отношений между США и Россией или Китаем (то и другое как удаленные возможности на данное время), длящиеся несколько недель или месяцев, предоставили бы в течение этого периода время для установки на ПЛАРБы и бомбардировщики В-2 большей части американского резервного арсенала ядерных боеголовок. За 6 (шесть) месяцев в этом периоде стратегический арсенал США мог бы вырасти до более чем 900 боеголовок, готовых к доставке к целям.

Способность доставить 900 боеголовок создавала бы угрозу драконовских размеров для любого потенциального государства-агрессора. Силы такого размера могли бы обеспечивать экстенсивное противосиловое сдерживание противостоящих ядерных сил, противоценностное воздействие на военную промышленность, а также операции против командных центров высшего политического и военного руководства оппонента.

Россия и Китай не являются врагами Соединенных Штатов. Но если бы они ими были и ядерные плановщики выделили этот арсенал в 900 единиц в соответствии с принципами нацеливания, действовавшими в период холодной войны, тогда были бы возможны следующие (строго иллюстративно) категории целей и заданий для боеголовок:

¹³ Согласно российским профессиональным военным оценкам, высказанным в частном порядке в Комиссии «Глобал зеро» в феврале 2011 года, расчетный порог для первого обезглавливающего удара против России составляет 300 американских боеголовок.

Россия:

ОМП (325 боеголовок, в том числе по 2 на каждую ракетную шахту), командные пункты руководства (110 боеголовок), военная промышленность (136 боеголовок). Только одна Москва будет накрыта ударом восьмидесяти (80) боеголовок.

Китай:

ОМП (85 боеголовок, в том числе по 2 на каждую ракетную шахту), командные пункты руководства (33 боеголовки), военная промышленность (136 боеголовок).

Северная Корея, Иран, Сирия:

на каждую страну выделено по 40 боеголовок.

Способность в мирное время или в условиях кризиса доставлять многие сотни ядерных боеголовок до целей в любой стране-агрессоре в ответ на ядерное нападение удовлетворяет разумные потребности ядерного сдерживания даже в худшем случае, подобном условиям холодной войны. Эти цифры существенно превысили самооценку количества ядерных взрывов в городских центрах и командных пунктах высокого уровня, которое могло бы эффективно сдерживать только страны (Россия и Китай), обладающие ядерными арсеналами, технически представляющими экзистенциальные угрозы для Соединенных Штатов. По словам бывшего высокопоставленного генерала стратегических сил России, американское ядерное возмездие против только небольшого количества российских городов превысило бы порог неприемлемого ущерба с точки зрения высшего политического и военного руководства России¹⁴. Возможность возмездия США будет на порядки больше, чем это. Кроме того, американский арсенал в 900 боеголовок будет значительно превышать размер ядерных арсеналов у фактических современных противников Америки (то есть Северной Кореи с менее чем 12 единицами оружия, Ирана с нулем и Сирии с нулем). Короче говоря, несмотря на то, что арсенал из 900 боеголовок представляет собой огромное, восьмидесятипроцентное (80 %) сокращение от сегодняшнего уровня, он будет по-прежнему обладать гигантской разрушительной силой, гораздо большей, чем необходимо, чтобы произвести впечатление на любого потенциального рационального врага. Для иррациональных врагов, таких как фанатичные террористы, уровень американского ядерного оружия не будет иметь какого-либо значения вообще.

¹⁴ Генерал-полковник в отставке Виктор Есин (в частной беседе, 16 декабря 2011 года).

Приращение противоракетной обороны и обычных вооруженных сил

Чтобы уменьшить предполагаемый риск, вызванный этим значительным сокращением американского стратегического арсенала, частично компенсировать снижение охвата целей и обеспечить страхующую «подушку» на начальную фазу конфликта (24–72 часа), когда американские наступательные ядерные силы переводятся в боевую готовность, Соединенные Штаты и их союзники будут искать защиты у бдительной противоракетной обороны и обычных вооруженных сил постоянной готовности.

Противоракетная оборона, дополненная пассивной защитой (например, укрепление существующих и создание новых убежищ), могла бы явиться особенно эффективным средством в течение вышеупомянутых 24–72 часов при сдерживании или разгроме региональных противников, таких как Иран или Северная Корея, и террористов. Такое ограниченное по времени требование должно снизить нагрузку на систему ПРО по перехвату максимального количества наступательных ракет, которые противник может запустить в этот период — оно определяется с учетом общего количества пусковых установок и времени перезагрузки каждой из них в течение этих 24–72 часов. Противоракетной обороне не придется иметь дело с каждой ракетой из запасов противника — только с теми, которые могли быть запущены в течение этого начального этапа конфликта.

Эта уменьшенная нагрузка позволит сократить на 10–50 % такую программу ПРО на ТВД, как адаптивная система защиты Европы от Ирана. Указанное сокращение, в сочетании с сотрудничеством США и России в этой области и мерами по укреплению доверия, такими как установление прилегающих к территории России 100-мильных зон отчуждения для развертывания ПРО США, убедит Россию, что ее стратегические ракетные силы не будут поставлены под угрозу. Для обеспечения дополнительной уверенности оперативный статус американской ПРО будет адаптирован к реальной угрозе в регионе. Эта система защиты будет переводиться в полную готовность, если и когда соразмерно материализовались иранская или северокорейская угрозы. Россия и Китай получают полное уведомление, если ПРО США была приведена в боевую готовность.

Эта стратегия на ТВД будет подкреплена за счет современных американских обычных вооружений, точность доставки которых позволяет уменьшить роль ядерного оружия в охвате базы целей. Быстрый рост летальной способности обычных вооруженных сил, достигнутый в последние годы, позволяет им угрожать разрушением хорошо укрепленных целей (в том числе ракетных шахт с защитой до 1000 фунтов на квадратный дюйм — psi). Этот технологический прогресс реализуется в возможность использования обычных сил,

чтобы покрыть практически сто процентов (100 %) целей в Северной Корее, Иране и Сирии, что ранее обеспечивалось ядерными силами¹⁵. Быстрый удар обычным оружием по пусковым установкам противника (т. е. Ирана или Северной Кореи) может серьезно ослабить его потенциал и облегчить работу американской системы ПРО. Во многих таких сценариях, обычные вооруженные силы США вполне достаточны, чтобы разгромить регионального противника без повышения готовности ядерных сил.

КЛЮЧЕВЫЕ УСЛОВИЯ И СТРАТЕГИЯ 10-ЛЕТНЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Эта 10-летняя иллюстративная повестка дня, направленная на сокращение общего количества ядерного оружия США до 900 боеголовок, имеет принципиальное значение для ядерного комплекса, развития структуры и оперативного статуса сил, а также для переговоров по ядерным вооружениям. Принятие этой повестки дня позволило бы сократить расходы США на программы по ядерному оружию на целых 100 миллиардов долларов в течение следующего десятилетия.

Сокращенный ядерный комплекс

Иллюстративные ядерные силы будут развернуты только по четырем типам ядерного оружия: W-76 и W-88 на ПЛАРБ «Трайидент» и B61 (модификации 7 и 11) и B83 на бомбардировщиках B-2. Необходимость реконструкции боеголовки будет значительно уменьшена. B61-11 недавно завершила программу продления срока службы (LER); программа LER для W-76 уже укомплектована достаточным количеством таких боеголовок для удовлетворения будущих потребностей в рамках этого плана, а W-88 и B83 являются относительно новым оружием, для которого программа LER простирается далеко в будущее. Только для B61-7 потребуются LER-работы в ближайшем будущем (чтобы преобразовать ее в B61-12), и некоторые из них, необходимые для бомбардировочной авиации, относительно невелики.

Как следствие, тысячи боеголовок в системе снабжения LER можно будет вместо обновления отправить в отставку. Кроме того, дорогостоящая программа

¹⁵ Что касается России и Китая, то их крупномасштабный конфликт с Соединенными Штатами представляется неправдоподобным. Однако теоретически мы считаем, что американские обычные вооруженные силы могли бы покрывать от десяти (10) до тридцати (30) процентов обширной российской базы целей, которые числились до этого за американскими ядерными силами. Если запланированные Россией инвестиции в «воздушно-космическую оборону» в размере 150 миллиардов долларов на ближайшие десять (10) лет окажутся продуктивными, тогда указанный охват целей будет склоняться к нижней границе диапазона. Что касается Китая, мы считаем, что обычные вооруженные силы США могут охватывать от тридцати (30) до 50 (пятидесяти) процентов его базы целей, ранее покрывавшейся американскими ядерными силами. Набор китайских целей составляет по размеру примерно половину от российского.

модернизации ядерного комплекса, осуществляемая в настоящее время, — в частности, предприятий с PF-4 и CMRR-NF плутонием в Лос-Аламосе и установки UPF урана на Y-12 Oak Ridge — может быть реорганизована и сокращена в зависимости от того баланса с ремонтом, повторным использованием и/или заменой боеголовок, который будет отражен в обзоре, проводимом Национальным агентством по ядерной безопасности (NNSA) и Стратегическим командованием США¹⁶. Эти органы должны рассмотреть восьмидесятипроцентное (80 %) сокращение запасов и определить оптимальную стратегию для повышения уверенности, надежности, способности к адаптации и улучшения содержания оружия при его значительно уменьшенном количестве.

Структура и оперативный статус ядерных сил

Последующая программа для ядерных МБР, имеющаяся на чертежных досках, будет отменена, планы по новому поколению бомбардировщиков изменены¹⁷, а выполнение программы для «Трайидент» замедлено. В течение следующего десятилетия все существующие объекты и носители для межконтинентальных баллистических ракет, а также все бомбардировщики B-52 будут демонтированы или переоборудованы для доставки только обычных боеприпасов.

Неядерные МБР

МБР с расширенным диапазоном действия, оснащенные обычными боезарядами, — некий вариант носителя по гиперзвуковой технологии (Hypersonic Technology Vehicle-2 (HTV-2)) — должны быть спроектированы

¹⁶ В феврале 2012 года президент Обама отсрочил на пять лет строительство CMRR объекта стоимостью 6 миллиардов долларов. Необходимость в таком объекте существенно уменьшится, если активный запас США сократится до 500–900 боезарядов, как мы рекомендуем. Его основной задачей является производство плутониевых блоков. Учитывая 50-летний минимальный нормальный срок службы плутониевых блоков, только два (2) процента их запасов, как правило, будут нужны на ежегодной основе — 10–18 блоков для 500–900 единиц оружия. В настоящее время производственная мощность объекта в Лос-Аламосе составляет примерно двадцать (20) блоков в год. В случае системного дефекта в каком-либо типе боеголовки, который потребует ее аварийной переработки, возможно, потребуются в несколько раз большая, чем сегодня, производительность, если срочное пополнение запасов будет признано критически важным для сдерживания.

¹⁷ При текущих планах ВВС США разработать и построить 100–150 усовершенствованных бомбардировщиков, чтобы заменить нынешний парк B-52 и B-2, грубая стоимость одного самолета оценивается в 550 миллионов долларов. Эти сегодняшние и будущие самолеты могут выполнять дальние стратегические миссии, и они также являются взаимозаменяемыми с тактическими носителями на поле боя и, таким образом, заменят более старую категорию тактических платформ двойного назначения (в ядерном и обычном оснащении), таких как американские истребители-бомбардировщики с ядерными бомбами B-61 для НАТО в Европе. По нашему иллюстративному плану, число бомбардировщиков следующего поколения, предназначенных для выполнения стратегических и тактических ядерных миссий, будет ограничено 30–50 самолетами. Флот B-2 уйдет в отставку после того, как новые бомбардировщики поступят на вооружение. Развернуть 30–50 новых самолетов и тренировать их экипажи можно будет более чем в одном пункте дислокации. (В настоящее время B-52 базируются в двух местах, а B-2 — на третьей базе.)

и разработаны к 2022 году для обеспечения возможности глобального удара в течение одного часа¹⁸. При общем количестве от двенадцати (12) до двадцати (20) таких носителей, базирующихся в Калифорнии, регионе Великих озер и/или на Аляске (совмещенных с базами ПРО), эти МБР будут обладать маневренностью в нисходящем и перекрестном направлениях и способностью достигать континентов, летя в стратосфере, и наносить удары по практически любым целям по всему миру (таким как североамериканские или иранские ракетные установки) без пролета над территорией России или Китая¹⁹.

Указанная программа будет разработана и развернута не против России, и, хотя эти МБР обладают способностью разрушать очень укрепленные цели, в том числе ракетные шахты, небольшое количество таких развернутых средств будет ослаблять озабоченность России по поводу их возможного влияния на способность страны к ядерному сдерживанию²⁰.

Неядерные и универсальные МБР с большим радиусом действия помогли бы преодолеть недостатки других традиционных средств доставки обычных боезарядов — например, ограничения по дальности и скорости ракет «Томагавк-IV» на кораблях и подводных лодках, а также нехватку у стратегических бомбардировщиков (как в ядерном, так и в обычном оснащении) такого качества, как «своевременность», и в некоторых случаях — трудности преодоления ими систем ПВО. В сочетании с другими обычными силами и системой ПРО в привязке к 24–72-часовым эффективным операциям универсальные неядерные МБР будут обеспечивать своевременный удар, чтобы выиграть время для приведения ядерных сил в полную готовность и проведения взвешенного анализа ситуации руководством, если неядерная фаза конфликта не закончилась еще решительно в пользу Соединенных Штатов. Они могут также служить средством оперативного удара по объектам террористов в любой точке земного шара, значительно приумножая эффект от действий существующих беспилотных самолетов Predator и других ударных средств.

¹⁸ Россия приступила к разработке НТВ до того, как Соединенные Штаты начали свою программу, и президент Путин придает высокий приоритет этой программе. По обеим программам наблюдается прогресс, и обе сталкиваются с серьезными трудностями — достижение аэродинамической устойчивости в случае России и преодоление проблемы тепловыделения в случае США. Россия недавно пережила второй провал испытаний, связанных с развитием системы.

¹⁹ Такая способность потребует возможности маневрирования в нисходящем направлении в диапазоне 9000 миль и в перекрестном — 3000 миль.

²⁰ Представляется реальным достичь точности до 3 метров с полезной нагрузкой 1000 фунтов. Мы рассчитываем, что такое исполнение выльется примерно в пятидесятипроцентный (50%) шанс разрушить ракетную шахту с защитой до 1000 фунтов на квадратный дюйм (psi). Двадцать (20) моноблочных НТВ МБР обладали бы технической способностью уничтожить с высокой степенью достоверности лишь около шести (6) ракетных шахт.

Поэтапный, консультативный подход к увеличению времени на предупреждение и принятие решения

Стратегия, структура сил и их оперативный статус, изложенные в данном докладе, работают на то, чтобы создать дополнительное время на предупреждение о ракетной атаке и принятие решения, по мере того, как эти меры осуществляются в течение 10-летнего периода. На начальном этапе восстановления баланса между наступлением и обороной, а также между ядерным и обычным компонентами, оборонительные системы будут находиться в повышенной готовности, в то время как все большее число ядерных наступательных сил снимается с высокой готовности к пуску ракет (переводится в «де-алертед» состояние). Как только бремя сдерживания сместится с концепции MAD, основанной на ядерных наступательных операциях, на гибкое реагирование на основе обычных вооруженных сил (воздушных, морских и наземных) с компонентом быстрого глобального удара и на оборонительные операции (в особенности на раннее предупреждение об атаке, противоракетную оборону и кибербезопасность), появятся новые возможности для сотрудничества с союзниками и другими странами в интересах общей безопасности.

Мы наблюдаем прогрессирующее поэтапно сотрудничество, начиная с повышенной прозрачности и контроля в глобальном масштабе. Соединенные Штаты и Россия играют ведущую роль в обеспечении остального мира всеобъемлющим потоком данных о состоянии морского и воздушного движения и космических объектов. В дополнение к этой повышенной глобальной осведомленности о земле и небе будет предоставляться информация о состоянии систем ПРО США и России (и, возможно, других стран), а также всех наступательных ядерных и обычных сил. Центры кибербезопасности будут предоставлять в режиме реального времени информацию о глобальной киберугрозе и сотрудничать в деле ее смягчения.

На втором этапе, всем странам-участницам будет передаваться, практически в режиме реального времени, информация раннего предупреждения. Это позволит укрепить глобальное сотрудничество в сфере мониторинга за испытаниями ракет и других видов оружия, при оценке угроз распространения (ОМП), а также по отслеживанию в мирное время и в периоды кризисов военных операций, включая враждебные действия в воздушном пространстве, на море и в космосе. К концу 10-летнего периода может быть достигнуто международное сотрудничество по вопросам противоракетной обороны. Активное сотрудничество в сфере ПРО завершит переход от MAD к взаимной осведомленности, предупреждению и обороне. Полный переход приведет к увеличению времени на предупреждение и принятие решения до часов, дней, недель и месяцев.

Понижение готовности ядерных сил с целью увеличения времени на предупреждение и принятие решения

Де-алертинг (понижение готовности ядерных сил) является ключевым элементом в достижении этой цели. Любые последующие стратегические ядерные силы, включая проведенную замену ПЛАРБ «Трайидент», должны быть созданы так, чтобы системы доставки и боеголовки были отделены друг от друга во время нормальной работы в мирное время и могли быть легко повторно увязаны при возникновении чрезвычайных ситуаций. Существующие сегодня силы не были рассчитаны на такую «разъединенную» конфигурацию. Они были оптимизированы для быстрого реагирования; поэтому разъединение боеголовок и ракет и их обратное соединение в чрезвычайных ситуациях представляют собой громоздкие, неоптимальные действия. Цель нового оперативного статуса сил состоит в том, чтобы хранить все боеголовки и средства доставки разделенными в мирное время. Это позволит увеличить время принятия решения, укрепить безопасность и лучше предотвращать ошибочные или несанкционированные пуски ракет.

Однако в течение ближайших десяти (10) лет де-алертинг все же может быть реализован с существующими силами. Мы должны покончить со сценариями холодной войны и немедленно перевести все ядерные арсеналы в запасной стратегический статус с «модифицированной системой боевой готовности». Это одним махом значительно сократило бы ядерные риски, одновременно углубляя сотрудничество США и России и укрепляя взаимную стабильность. Это также оказало бы благотворное влияние на их отношения с Китаем и другими странами, которым в настоящее время угрожает сверхбдительный статус готовности к пуску ракет ядерных сверхдержав.

При указанной иллюстративной «модифицированной системе боевой готовности» ПЛАРБ в море больше не будут патрулировать в районах, выбранных в период холодной войны для пуска ракет, с готовностью к стрельбе в течение пятнадцати (15) минут с момента получения приказа. Сегодняшние жесткие требования по скорости, глубине, навигации и связи будут ослаблены. Например, требование для подводных лодок непрерывно сохранять возможность получения сообщений и быть готовыми проводить пуск ракет почти мгновенно (в интервале 12 минут после получения приказа) будет ослаблено до 24–72 часов — что сделает большую свободу для проведения тренировок и учений на море дополнительным преимуществом. Другие меры, такие как удаление «инверторов» (inverters) из пусковых труб подлодок, помогут гарантировать, что для полного восстановления готовности оружия на борту потребуется 24–72 часа.

Аналогичным образом МБР наземного базирования уже не будут готовыми к полномасштабному запуску в момент получения приказа. Вместо этого они

будут «пришпиленными и безопасными» в своих шахтах с помощью применяемой сегодня меры (для отмены которой специалисты обслуживающего подразделения должны войти в пусковую шахту и удалить специальные штыри), что не позволит провести пуск ракет в нормальных условиях мирного времени и потребует многих часов, чтобы повернуть вспять. (Как сообщалось, китайские ядерные силы уже соответствуют этому стандарту; более того, они находятся в еще менее угрожающем состоянии с боеголовками, хранящимися отдельно от их средств доставки.) В качестве временной меры при переходе на массовый стратегический резервный статус часть сил МБР — возможно, одна из девяти нынешних эскадрилий по 50 ракет в каждой — может содержаться в состоянии готовности на основе ежемесячной ротации. Однако в конце концов все МБР будут демонтированы в соответствии с 10-летним планом, изложенным здесь, и их оперативный статус может стать спорным.

Должны быть рассмотрены также соответствующие дополнительные меры в качестве части этого взаимного, скоординированного перехода от оперативного статуса периода холодной войны, в том числе удаление всех существующих целей военного времени из компьютерных баз данных на ПЛАРБ и МБР. Полное восстановление этих данных займет несколько дней, создавая таким образом более широкую противопожарную полосу — от 24 до 72 часов — между началом кризиса или конфликта и способностью инициировать операции с ядерным ударом.

Строгий анализ доказал, что де-алертинг, если он выполнен правильно и может быть проверяемым, исключил бы угрозу внезапного первого удара или обезглавливающего удара и тем самым устранил бы стимул для поддержания стратегических сил в готовности к пуску ракет на случай внезапной атаки противника. Обе стороны могли бы ослабить напряженность оперативного статуса своих сил, устраняя любые стимулы для восстановления готовности и нанесения упреждающего удара в ходе кризиса. Хорошо продуманный оперативный статус может устранить любые преимущества восстановления готовности, укрепить выживаемость сил второго удара, существенно повысить время на предупреждение и принятие решения и стабилизировать взаимное сдерживание²¹.

²¹ Результаты исследований, подтверждающие этот вывод, изложены в двух статьях коллектива из пяти экспертов (Брюс Блэр, Виктор Есин, Мэтью Маккензи, Валерий Ярынич и Павел Золотарев): (1) «Меньше и безопаснее» («Smaller and Safer»), *Foreign Affairs*, Vol. 89, № 5, сентябрь/октябрь 2010, с. 9–16, и (2) «Сто ядерных войн: стабильное сдерживание между США и Россией при уменьшенных уровнях ядерных сил, понижении их готовности и при наличии ограниченной системы противоракетной обороны» («One Hundred Nuclear Wars: Stable Deterrence between the United States and Russia at Reduced Nuclear Force Levels Off Alert in the Presence of Limited Missile Defenses»), *Science and Global Security*, Vol. 19, 2011, с. 167–194; также см. Брюс Блэр, «Де-алертинг стратегических сил» (Bruce G. Blair, «De-alerting Strategic Forces») в работе «Пересмотренный Рейкьявик: шаги к миру, свободному от ядерного оружия» («Reykjavik Revisited: Steps Toward a World Free of Nuclear Weap-ons»), Hoover Institution, Джордж Шульдц и др., 2008, с. 47–105.

Этот новый оперативный статус будет представлять собой большой шаг вперед по сравнению с текущим состоянием сил. Соединенные Штаты и Россия в настоящее время поддерживают в высокой готовности около трети своих сил, а для приведения в готовность остальных требуется от 24 до 72 часов. Их оперативные статусы плохо приспособлены для обеспечения стабильности. На самом деле они довольно нестабильны — склонны к конкурентному быстрому восстановлению готовности сил и проведению пуска ракет на основе информации предупреждения (ответно-встречному удару, или *launch on warning* по американской терминологии) — и должны быть переработаны, чтобы удалить стимулы к восстановлению готовности. Исследования показали, что, будучи правильно построенными, все стратегические ядерные силы с обеих сторон могли бы быть сняты с высокой готовности и при этом достичь гораздо большего уровня стабильности, чем имеется в настоящее время²². Выживаемость своих сил может быть обеспечена даже в случае восстановления готовности сил противника, а ключевые меры де-алертинга, такие как отделение боеголовок от носителей, могут быть адекватно проверяемыми²³.

Что касается тактического ядерного оружия, то рекомендации в отчете комиссии *Global Zero NATO-Russia*, предложенные американскими, европейскими и российскими экспертами, имеют смысл. Они призывают Соединенные Штаты и Россию удалить их тактическое оружие из европейских военных баз и переместить его в национальные хранилища. Мы предполагаем, что это перемещение могло бы происходить в контексте более широких переговоров, направленных на сокращение их ядерных арсеналов до 1000 единиц оружия с каждой стороны.

Такое простое перераспределение приведет к увеличению времени, необходимого для предупреждения и принятия решения, и применение сотен этих нестратегических вооружений обеими сторонами станет возможным лишь через «несколько дней или недель» вместо сегодняшних «часов». Отсутствие ядерных боеголовок на военных базах сможет быть надежно подтверждено инспекциями на местах, а любые крупномасштабные скрытые усилия по переводу боеголовок из национальных хранилищ обратно на военные базы можно будет легко обнаружить с помощью космической разведки и других национальных технических средств.

Двусторонние переговоры по ядерным вооружениям

Сокращения и де-алертинг, предложенные в рамках этого иллюстративного плана, могут быть осуществлены в унисон Соединенными Штатами и

²² Там же.

²³ Blair, «De-alerting Strategic Forces» (см. выше).

Россией через взаимные президентские директивы и очередной раунд двусторонних переговоров о сокращении вооружений либо реализованы в одностороннем порядке. В любом случае эти сокращения могут привести к еще одному раунду переговоров с целью уменьшения ядерных арсеналов с обеих сторон до 500 боеголовок²⁴. Сокращения до 500–900 единиц у каждого должно быть достаточно, чтобы привлечь Китай и другие ядерные страны к началу многосторонних переговоров по дальнейшим шагам на пути к глобальному нулю²⁵.

Эти стратегические сокращения и де-алертинг, в сочетании с ограниченной системой противоракетной обороны США, ориентированной на отражение реальных региональных ракетных угроз, должны пройти долгий путь по преодолению существующего тупика на двусторонних переговорах с Россией, которые зависли из-за потенциальной технической возможности Соединенных Штатов провести одну-две наступательные и оборонительные

²⁴ Консенсус бывших русских высших военных офицеров в Global Zero, во главе с генерал-полковником в отставке Виктором Есиным (который некогда служил начальником штаба Ракетных войск стратегического назначения и в настоящее время является консультантом командующего РВСН), заключается в том, что российский арсенал в 900 боеголовок должен состоять из: 450 развернутых стратегических боеголовок; 150 резервных стратегических боеголовок и 300 резервных тактических боеголовок. Стратегические боеголовки могли бы быть развернуты в одной из таких конфигураций: (а) 150 моноблочных МБР (50 шахтного базирования и 100 мобильных) и 8 ПЛАРБ класса «Борей» с 300 боезарядами; или (б) 300 моноблочных МБР (100 шахтного базирования и 200 мобильных) и 4 ПЛАРБ «Борей» с 150 боезарядами. (Д-р Брюс Блэр и генерал-полковник Виктор Есин в частной беседе, февраль 2012 года)

²⁵ Некоторые наблюдатели утверждают, что глубокие сокращения, проводимые Соединенными Штатами и Россией, будут искушать Китай нарастить производство его ядерного оружия, чтобы использовать возможность для достижения паритета или даже превосходства. Аргумент «гонка за паритет или превосходство» не основывается на каком-либо твердом доказательстве. Все общедоступные данные подтверждают противоположную точку зрения о том, что глубокие (двусторонние) сокращения привлекут китайцев в режим многостороннего контроля над вооружениями, который может привести к (общим) поэтапным сокращениям. Китай, который исторически оставался в стороне от американско-российской гонки ядерных вооружений, довольствовался развертыванием очень небольших ядерных сил в рамках концепции «минимального сдерживания». Китайская программа вполне невосприимчива и отделена от американской и российской программ, хотя в ее части, касающейся модернизации, изыскиваются пути обеспечения, перед лицом внешних угроз, гарантированного минимального сдерживания выжившими силами. Китай исторически выступает за ядерное разоружение на всеобъемлющей основе, и в 1982 году министр иностранных дел страны Хуан Хуа представил на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций план разоружения, в котором Китай обязался присоединиться к многосторонним переговорам, если и когда ядерные сверхдержавы сократят свои арсеналы в два раза, прекратят производство и испытания ядерного оружия, а в противном случае — проявлять сдержанность. Дискуссии Global Zero с китайскими правительственными чиновниками высокого уровня, военными и экспертами убедительно показывают, что Китай по-прежнему привержен этому курсу. Китай не будет вести «гонку за паритетом или превосходством» и в действительности принял бы противоположную позицию — присоединился к процессу сокращения вооружений, если бы США и Россия сократили свои арсеналы до низких уровней. См. генерал-майор Pan Zhenqiang «Ядерная стратегия Китая в меняющейся стратегической ситуации в мире» («China's Nuclear Strategy in a Changing World Strategic Situation») в работе «Разблокирование дороги к нулю: Китай и Индия» («Unlocking the Road to Zero: China and India»), Dr. Barry Blechman, ed., March 2009, pp. 29–54; Русс • Блэр доктор: “.” 全球零核倡议 “运动回顾与展望”, 载滕建群主编 “全球核态势评估报告: 2010/2011”, 北京.. 时事出版社 2011年2月, 第16页, а также Брюс Блэр, «Движение Global Zero и Китай» («The Global Zero Movement and China»), Global Nuclear Posture Review 2010/2011, ed. Teng Jianqun (Beijing, 2011), и Брюс Блэр, «Китайское ядерное упреждение» («Chinese Nuclear Preemption»), China Security, Autumn 2005, No. 1, pp. 15–22.

операции против стратегических ядерных сил России, как только американская четырехфазная адаптивная система ПРО (с перехватчиками SM3-2B) будет принята в эксплуатацию через десять (10) лет (к 2022 году). Россия требует формальных гарантий со стороны Соединенных Штатов, что их продвинутая система противоракетной обороны на четвертой фазе не будет направлена против России и не будет подрывать способность российских стратегических сил сдерживания. Соединенные Штаты как не приняли это требование, так и не предоставили других удовлетворительных гарантий. В результате Россия ожидает, что продолжающееся развитие программы США в более угрожающие варианты (в том числе с космическими ударными системами на пятой и шестой фазах) приведет к тому, что для России будет все труднее компенсировать это развитие с помощью недорогих контрмер. Двусторонний процесс контроля над ядерными вооружениями, и даже более широкие российско-американские отношения, застопорились на этой технической сложности.

Иллюстративный план, изложенный выше, предлагает решение. В нем Россия (и Китай) больше не будут целями в комплексе сценариев войны, наподобие давних планов, выросших из ситуации «лицом к лицу» времен холодной войны, а понижение боевой готовности стратегических сил США исключит внезапный наступательный удар. После удаления технической угрозы внезапного американского первого ядерного удара Соединенные Штаты теоретически не будут иметь возможность уничтожить большую часть стратегических сил России и призрак ПРО США, «зачищающей» небольшое количество сохранившихся после удара российских ракет, испарится.

В 24–72-часовой период времени, необходимый Соединенным Штатам для технических мер по обеспечению их способности к наступательному удару, стратегические силы России могли бы быть выведены в безопасные места. Мобильные МБР и ПЛАРБ, находившиеся в портах, будут одновременно рассредоточены на скрытые позиции, чтобы снизить их уязвимость и обеспечить возможность подавляющего российского возмездия. (Действующая российская программа модернизации концентрируется на производстве новых мобильных МБР и БРПЛ.) В результате развертывание системы ПРО США не будет принимать вид какой-то большой технической угрозы для России, что улучшит перспективы нового раунда плодотворных американо-российских переговоров по ядерным вооружениям.

Менее хорошим подходом было бы принять эту повестку дня в одностороннем порядке. Сильным доводом, тем не менее, может явиться то, что односторонние американские глубокие сокращения и де-алертинг в сочетании с усиленной системой противоракетной обороны и возможностями обычных вооружений не ослабят сдерживание в практическом плане *vis-a-vis* с Россией, Китаем или любой из более вероятных стран, с которыми

Америка может столкнуться в предстоящие годы. При сохранении эффективного сдерживания против всех, кроме негосударственных, субъектов односторонние шаги заложат основу для расширения сотрудничества в области безопасности между бывшими противниками по холодной войне и будут поощрять их рассмотреть возможность сопоставимых односторонних действий. Если одностороннее понижение Соединенными Штатами готовности их стратегических наступательных сил побудит Россию последовать этому примеру, это создало бы большой запас прочности в части защиты от случайного или ошибочного пуска русских ракет, находящихся сейчас в высокой степени боевой готовности и нацеленных на Соединенные Штаты.

В более широком смысле эта иллюстративная повестка дня с глубокими сокращениями и де-алертингом будет существенно укреплять действенность ДНЯО и поможет сохранить его перед вызовами со стороны Северной Кореи, Ирана и других потенциальных распространителей. С укреплением ДНЯО, препятствующего распространению ядерного оружия и создающего условия для многосторонних переговоров между ядерными странами в целях сокращения и, в конечном итоге, ликвидации их ядерных арсеналов, эта инициатива будет идти далеко вперед по пути к созданию новой архитектуры безопасности, отражающей видение Global Zero — мир без ядерного оружия.

Многостороннее сотрудничество по проблемам безопасности

План обеспечения безопасности в XXI веке, призванный уменьшить опору на наступательные ядерные вооружения и перейти к более глобальной, прозрачной и оборонно-ориентированной архитектуре, направленной на решение реальных угроз, стоящих сегодня перед миром, был бы значительно усилен за счет широкого сотрудничества по двум направлениям. Во-первых, в условиях замены тупого инструмента ядерной угрозы универсальным, гармоничным и интегрированным проецированием силы с использованием современных высокотехнологичных компонентов по всему спектру проблем «наступление-оборона» и «обычные-ядерные», имеется растущая потребность для стран, плывущих в одной лодке безопасности, делить расходы и оперативную ответственность. Ни одна нация не может больше позволить себе нести все это бремя в одиночку. Большие взаимные выгоды выпадают на долю тех государств, которые сотрудничают в общих интересах. Поэтапный адаптивный подход к противоракетной обороне в Европе возможен только при разделении труда и бремени в рамках НАТО. Япония является важным партнером Соединенных Штатов в разработке системы управления и боеголовки для ракет-перехватчиков SM3-2A/B, которые станут основой поэтапной ПРО для азиатских союзников Америки.

Примером расширения такого сотрудничества еще дальше является недавно развернутый радар в Израиле, который поддерживает американские сети командования, управления и связи, что позволяет батареям «Патриот» в Саудовской Аравии эффективно работать.

Во-вторых, о чем говорит последний пример, меняющийся мир рождает общие интересы между странами, которые ранее не являлись союзниками и часто были на ножах друг с другом, и создает для них стимулы к сотрудничеству в сфере безопасности. Они часто не в состоянии использовать эти возможности, о чем свидетельствует, например, дублирующее, неэффективное развертывание трех отдельных глобальных космических навигационных систем. Однако экономическая действительность и взаимные стимулы к обеспечению безопасности ведут нации, сбивчиво, но твердо, к глобализации безопасности в области мониторинга, раннего предупреждения и активной обороны. Будущее сотрудничество примет форму выработки глобальных выходящих данных о морской, авиационной и космической деятельности, которые усилят по всему миру мониторинг морей и небес в режиме реального времени — беспрецедентный уровень осведомленности о ситуации на Земле. Это будет осуществляться путем обмена информацией раннего предупреждения о пусках ракет и других потенциальных угрозах через совместные центры предупреждения, управляемые русскими, американцами, китайцами и операторами многих других национальностей, а также через совместные технологические предприятия, такие как развертывание американо-российской спутниковой системы раннего предупреждения с широкой выдачей данных другим странам. Со временем такое более глобальное сотрудничество будет расширяться и в сфере активной противоракетной обороны.

Указанные тенденции представляются нам глубоко встроенными в глобализирующийся мир растущего экономического и информационного взаимодействия и взаимозависимости. Однако они не являются предопределенными, и поэтому мы должны быть готовы к тому, что наши прогнозы на ближайшее десятилетие или около того неверны и что мир становится все более конфронтационным в отношении ядерных проблем. Представляется все более невероятным, что отношения США с Россией и Китаем в период, рассматриваемый в данном докладе (2012–2022 годы), ухудшатся настолько сильно, что ядерный баланс станет заметным фактором в их контактах в сфере безопасности и заставит их прекратить процесс сокращения ядерных арсеналов и, возможно, даже возобновить гонку ядерных вооружений. Тем не менее этот призрак не может быть исключен; если это произойдет, то Соединенные Штаты, несмотря на наличие запасов в 500–900 единиц ядерного оружия, могут чувствовать себя более безопасно, если они обладают способностью наращивать свои ядерные силы в количественном и качественном отношениях.

Мы полагаем, что иллюстративные структура и статус вооруженных сил, изложенные в этом докладе, дополненные планами по восстановлению американской ядерной инфраструктуры на случай непредвиденных обстоятельств, обеспечат достаточный запас прочности, если ядерная угроза для нашей страны будет повышаться в течение ближайших десяти лет или около того. Описанные выше тенденции к растущей глобальной прозрачности и интеграции в сфере безопасности увеличивают нашу способность к адаптации, если все эти тенденции вдруг изменят курс на обратный. Однако, учитывая длительный период времени, который необходим на реорганизацию наших ядерных планов и программ в ответ на резкое увеличение ядерной угрозы, наша ядерная инфраструктура должна быть устойчивой перед лицом непредвиденных событий.

ВЫВОД

Для прямого реагирования на угрозы безопасности, стоящие перед Соединенными Штатами в XXI веке, необходимы срочные и трансформационные изменения в структуре, стратегии и оперативном статусе американских ядерных сил. Стратегия, унаследованная от холодной войны, оставляющая неизменными искусственно поддерживаемые ядерные арсеналы, которые значительно больше, чем необходимо для сдерживания, и которые имеют скудную эффективность в борьбе с основными современными угрозами безопасности для США и всего мира — ядерное распространение, терроризм, кибервойны и множество других угроз, — вытекает из диффузии власти в современном мире. Сегодняшняя ядерная политика США слишком узко сфокусирована на угрозах, коренящихся в мышлении эпохи холодной войны, что влечет за собой чрезмерные расходы на подготовку к неправдоподобным сценариям ядерной войны с Россией, в то время как не существует никаких мыслимых обстоятельств, при которых осознанное инициирование такого конфликта было бы в интересах одной из сторон. Текущая ядерная политика США также неоправданно берет на себя риски непреднамеренного начала ядерного конфликта. Поддерживая высокую готовность ракет к пуску, как это было во времена холодной войны, Соединенные Штаты и Россия идут на риск ядерной ошибки, которая имела бы катастрофические последствия.

После окончания холодной войны арсеналы США и России неуклонно сокращаются. Эти сокращения должны быть продолжены. Были бы оправданными самые невероятные двусторонние сокращения их запасов всех видов оружия, и это должно осуществляться через следующий раунд российско-американских переговоров. Арсенал в 500–900 единиц оружия с каждой стороны легко удовлетворит разумные потребности сдерживания,

и переход к нему подготовит почву для начала многосторонних сокращений ядерных вооружений с участием всех стран, обладающих ядерным оружием. Соединенные Штаты должны стремиться к достижению такого сокращения в течение десяти (10) лет и планируют базировать свой арсенал на диаде средств доставки ядерного оружия. Оптимальное сочетание носителей будет состоять из десяти (10) подводных лодок «Трайидент» с баллистическими ракетами и восемнадцати (18) бомбардировщиков В-2. При нормальных условиях на этих носителях будет размещена половина запасов боеголовок, а другая половина будет храниться в резерве, за исключением чрезвычайного положения в стране. Все наземные межконтинентальные ракеты с ядерным оснащением будут отправлены в отставку вместе с носителями нестратегических ядерных боеголовок, которые будут исключены из запаса. Тяжелые бомбардировщики В-52 будут полностью демонтированы или переоборудованы для доставки только обычного оружия.

Соединенные Штаты и Россия должны разработать способы увеличения времени на предупреждение и принятие решения в системе управления их меньшими арсеналами. Сегодняшняя система боевой готовности ядерных сил, с минутами и секундами на предупреждение и принятие решения, должна быть заменена на новую схему, которая предоставит 24–72 часа для оценки угроз и передачи указаний на применение ядерных сил. Такое изменение позволит значительно снизить риск ошибочного, необдуманного и случайного пуска ракет. Это также укрепит стратегическую стабильность, поскольку будет устранена угроза внезапного первого удара. При любом движении одной из сторон к повышению готовности ее ядерных сил будет обеспечиваться заблаговременное предупреждение об этом другой стороны, чтобы рассредоточить ее ядерные силы на неуязвимые позиции. Увеличение времени предупреждения путем де-алертинга реально повысит выживаемость сил и снизит негативное влияние системы ПРО в этом уравнении. Противоракетная оборона стала бы менее угрожающим фактором для сил ответного удара другой стороны и меньше подрывала бы ее уверенность в способности осуществить эффективное возмездие.

В контексте такого уменьшения опоры на высокую готовность наступательных ядерных вооружений к применению Соединенные Штаты будут увеличивать в интегрированной новой стратегии свою зависимость от системы противоракетной обороны и усовершенствованных обычных вооруженных сил. Последние в прямом смысле заменят ядерные силы. Их роль в сдерживании и разгроме противника в XXI веке, а также для убеждения американских союзников в нашей приверженности защищать их была бы особенно важной в течение 24–72 часов до возможного приведения в готовность наступательных ядерных сил. При всем этом указанный временной буфер позволил бы снизить требования к противоракетной обороне и

обычным вооруженным силам. В частности, архитектура противоракетной обороны может быть сокращена.

Очень важно расширить программу регулирования ядерных вооружений, включив в нее все категории оружия во всех ядерных странах. Только широкий многосторонний подход может эффективно решать проблему с множеством серьезных ядерных угроз в других частях мира. Ведя двусторонние переговоры по сокращению запасов оружия в России и США до гораздо более низких уровней, обе стороны должны инициировать многосторонний процесс, который бы способствовал фиксации, замораживанию, снижению или же, в противном случае, ограничению арсеналов третьих стран. Регулирование запасов ядерного оружия должно стать всеобъемлющим и универсальным.

Эта многосторонность должна быть расширена с только сокращения ядерных вооружений до сферы многостороннего сотрудничества в области безопасности. Угрозы двадцать первого века требуют повышенного сотрудничества как между давними друзьями, так и между бывшими врагами. Ни одна нация не может больше позволить себе действовать в одиночку в разработке и развертывании систем, укрепляющих ее безопасность.

Мощные экономические факторы и стимулы к взаимной безопасности все сильнее ведут государства к глобализации безопасности, особенно в области мониторинга, раннего предупреждения и активной обороны. Будущее сотрудничество будет осуществляться в форме создания глобальной базы данных в масштабе реального времени, которая обеспечит беспрецедентный уровень осведомленности о ситуации на Земле. Это будет осуществляться путем обмена информацией раннего предупреждения о пусках ракет и других потенциальных угрозах через совместные центры предупреждения, управляемые русскими, американцами, китайцами и представителями многие других национальностей, а также через совместные технологические предприятия, такие как развертывание американо-российской спутниковой системы раннего предупреждения с широкой выдачей данных другим странам. Со временем это более глобальное сотрудничество будет расширяться на области активной противоракетной обороны.

Иллюстративные стратегия, структура и оперативный статус вооруженных сил, изложенные в этом докладе, дополненные чрезвычайными планами по восстановлению американской ядерной инфраструктуры в случае, если тенденции к глобальному сотрудничеству в области безопасности и многостороннему регулированию вооружений неожиданно изменят курс на обратный, обеспечат дорожную карту для укрепления безопасности США в XXI веке. Это позволяет Соединенным Штатам продолжать сокращать свою опору на ядерное оружие, чтобы уменьшить ядерную угрозу на всей Земле и двигаться вперед к миру без ядерного оружия.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ В XXI ВЕКЕ¹

Появление ракетно-ядерного оружия в биполярной системе международных отношений привело к тому, что понятие военно-стратегического баланса оказалось сведено к паритету ядерных вооружений межконтинентальной дальности (свыше 5500 км), имевшихся у двух сверхдержав. Это объяснялось способностью таких вооружений в короткий срок добиться решающих результатов, уничтожить у противника половину населения и две трети промышленного потенциала («взаимное гарантированное уничтожение»).

Такое «узкое» определение учитывало только боезаряды, установленные на МБР, БРПЛ и тяжелых бомбардировщиках. При этом не принимались во внимание ядерные вооружения средней и малой дальности, а также гигантские обычные вооружения, которые были у США и СССР. За рамками такого определения оказывались и ядерные и неядерные вооружения других государств.

На этом основании сложилось и «узкое» понимание стратегической стабильности, которое стало основой для заключения советско-американских договоренностей о контроле над ядерными вооружениями. Соглашения ОСВ и СНВ устанавливали количественные лимиты на стратегическую триаду. Правда, в конце холодной войны сфера контроля над вооружениями была расширена. Был заключен Договор РСМД, уничтоживший советские и американские ракеты наземного базирования дальностью от 500 до 5500 км. Кроме того, Вашингтон и Москва объявили об односторонних, но параллельных шагах по сокращению тактического ядерного оружия.

¹ Доклад подготовлен коллективом авторов Института США и Канады РАН (ИСКРАН): Роговым С.М., академиком РАН, директором Института; Есиным В.И., к. воен. н., генерал-полковником в отставке, ведущим научным сотрудником; Золотаревым П.С., к. т. н., генерал-майором в отставке, заместителем директора; Кузнецовым В.С., вице-адмиралом в отставке, старшим научным сотрудником. Доклад был представлен на конференции «Ядерное оружие и международная безопасность в XXI веке», организованной Российским советом по международным делам, международной организацией Global Zero и МГИМО (У) МИД России, состоявшейся 8 ноября 2012 года в Москве, МГИМО (У) МИД России.

Также был подписан многосторонний Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), ограничивавший пять типов обычных вооружений не только США и СССР, но и всех государств — членов Североатлантического альянса и Организации Варшавского договора.

Тем не менее вплоть до последнего времени сохранялось «узкое» определение стратегической стабильности, что было зафиксировано в новом Договоре СНВ, где учитываются только традиционные компоненты стратегической триады.

Однако в начале XXI столетия военно-стратегический баланс не ограничивается только стратегическими ядерными силами, а включает новые компоненты. Сегодня достижение решающих целей войны (поражение широкого спектра военных и экономических целей, разрушение системы политического и военного управления) становится возможным не только с помощью ядерного оружия. Появились неядерные стратегические средства, разрушительная мощь которых все больше приближается к возможностям ядерного оружия. В течение ближайших десятилетий неядерные стратегические вооружения, видимо, достигнут зрелости, что окажет существенное воздействие на военно-стратегический баланс. Причем ведущая роль в создании стратегических неядерных вооружений принадлежит США.

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО БАЛАНСА

Совокупный баланс сил в полицентричном мире складывается сейчас из очень многих факторов. Все большее значение приобретают противоракетные технологии, потенциал глобального молниеносного удара с применением обычных боезарядов, возможность выведения оружия в космическое пространство. Большие дисбалансы существуют в сфере обычных вооружений. Взаимосвязь этих факторов становится все более очевидной. Необходимо разработать комплексный подход к решению проблем, возникающих в связи с военно-технологическими рывками.

Показательно, что в первом десятилетии нынешнего века произошло колоссальное расширение функций Стратегического командования США (СТРАТКОМ), которое подверглось фундаментальной реорганизации. Первоначально СТРАТКОМ объединил стратегические ядерные силы ВВС и ВМС. Теперь в его структуру входят Командование силами быстрого глобального удара (включая ядерные и неядерные вооружения), Командование средствами разведки и наблюдения, Космическое командование, Командование интегрированными средствами противоракетной обороны,

Командование кибернетическими средствами борьбы (которое возглавляет директор Агентства национальной безопасности) и др.

Как представляется, решающую роль в эволюции стратегического баланса играет революция в сфере информационных технологий, без которых не могут существовать современные экономика и вооруженные силы. Средства радиоэлектронной борьбы получили распространение еще в прошлом веке. Однако современные средства кибернетической борьбы позволяют без огневого поражения нанести такой удар по противнику, который способен вызвать экономический хаос, сорвав функционирование энергетических, транспортных и информационных систем, а также парализовать органы политического и военного управления.

Нынешним командующим СТРАТКОМ генералом Робертом Келлером еще в 2009 году была выдвинута концепция «Сферического театра военных действий», который объединяет в себе космическое и киберпространства². Считается, что интеграция этих сфер позволит достичь синергетического эффекта.

Околосреднее пространство уже полвека широко используется в военных целях. Но это касается главным образом спутников связи и разведывательных космических аппаратов. Ситуация может радикально измениться в случае размещения в космосе ударных систем, которые могут быть использованы не только для поражения космических аппаратов противника, но и в целях противоракетной обороны и для нанесения ударов по наземным целям.

Кибернетические операции могут включать наступательные и оборонительные действия с целью завоевания информационного превосходства путем разрушения соответствующей инфраструктуры противника и защиты от его атаки на собственные информационные системы. При этом кибероперации рассматриваются как альтернатива применению средств огневого поражения для достижения военной цели без физического уничтожения живой силы и объектов противника.

Американские эксперты нередко опасаются «кибернетического Пёрл-Харбора». Об этом, в частности, заявлял министр обороны США Леон Панетта³.

В июле 2011 года Министерство обороны США опубликовало документ «Стратегия операций в киберпространстве». В стратегии отмечается, что «кибернетические угрозы национальной безопасности США затрагива-

² Air Force Space Command. The Next Space Age. General Robert Kellehr. The 25th National Space Symposium. Colorado Springs, March 31, 2009.

³ Krepnevich, Andrew. Cyber Warfare: A Nuclear Option? Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2012, p. 13.

ют не только военные объекты, но и все аспекты общественной жизни»⁴, и говорится о возможности ответных действий на кибератаки любыми доступными средствами — экономическими, политическими, дипломатическими и даже военными.

Руководители СТРАТКОМ заявляют о необходимости разработки как наступательных, так и оборонительных средств кибернетического сдерживания. Примером наступательного кибероружия является компьютерный вирус Stuxnet, который США и Израиль использовали для саботажа ядерной программы Ирана⁵.

В функции Киберкомандования входят подготовка, координация, интеграция, синхронизация действий по проведению операций и защите информационных сетей Министерства обороны США, а также проведение военных информационных операций «по всему спектру» с целью обеспечения действий вооруженных сил во всех сферах, включая обеспечение свободы действий американских и союзнических вооруженных сил в киберпространстве, поражение информационных средств противника.

В докладе Центра Симсона, опубликованном в ноябре 2012 года, отмечается: «Ясно, что США уже создают наступательные кибервооружения... Наступательные кибероперации дают возможность США наносить удары по всему миру без физического развертывания войск на иностранной земле. Эти действия, хотя они засекречены, предоставляют реальные альтернативы физическим ударам, чтобы противостоять угрозам, с которыми США сталкиваются в XXI веке»⁶.

Согласно заявлениям руководителей американской разведки на слушаниях в Конгрессе по вопросам угроз национальной безопасности, особую озабоченность в киберпространстве вызывают возможности России и Китая⁷.

Развитие информационных технологий привело к резкому повышению точности обычных средств поражения, прежде всего — авиационных бомб и крылатых ракет. Как отмечается в докладе Исследовательской службы Конгресса, «Соединенные Штаты с самого начала стали лидерами в разработке высокоточных вооружений и уже 20 лет обладают монополией в этой сфере»⁸. Впервые высокоточные вооружения были использованы США во

⁴ Department of Defense Strategy for Operations in Cyberspace. July 2011, p. 4.

⁵ The New York Times. June 1, 2012.

⁶ A New US Defense Strategy in a New Era. Military Superiority, Agility and Efficiency. Simpson Center. November 2012, p. 36.

⁷ The Weekly Standard. April 11, 2011.

⁸ Huiss, Randy. Proliferation of Precision Strike: Issues for the Congress. Congressional Research Service. May 14, 2012, p. 2.

время войны в Персидском заливе в 1992 году (8 % всех использованных боеприпасов), а затем в более широких масштабах в военных операциях в Косово (29 %), Афганистане (60 %), Ираке (68 %) и Ливии⁹. В последние годы США активно используют высокоточные поражающие средства на беспилотных летательных аппаратах в Пакистане и ряде других стран.

Американский флот располагает большим количеством крылатых ракет морского базирования (КРМБ) типа «Томагавк». Согласно официальным данным, в 2012 году у США имелось 3755 КРМБ¹⁰. В 2013 году планируется закупить еще 361 крылатую ракету для надводных кораблей и 123 КРМБ для подводных лодок.

В докладе «Модернизация ядерной стратегии», подготовленном под эгидой движения «Глобальный ноль» под руководством бывшего заместителя председателя КНШ и командующего СТРАТКОМ генерала Джеймса Картрайта (среди авторов доклада — бывший глава делегации США на переговорах по Договору СНВ-1 Ричард Берт, бывший первый заместитель государственного секретаря Томас Пикеринг, бывший сенатор Чарльз Хейгель, бывший командующий войсками НАТО в Европе генерал Джек Шихен и и соучредитель движения «Глобальный ноль» Брюс Блэр), впервые приводится оценка эффективности стратегических обычных вооружений. В докладе утверждается, что американские неядерные системы большой дальности могут поразить до 30 % всех целей на российской территории, которые входят в список целей для нынешних ядерных средств США. По оценке авторов доклада, если будет реализована российская программа создания воздушно-космической обороны, то количество поражаемых целей в России сократится примерно до 10 %¹¹.

Список целей на территории Китая примерно в два раза меньше, чем в России. С применением американских обычных вооружений может быть поражено 30–50 % китайских целей.

Ключевую роль в развитии высокоточных обычных вооружений сыграла американская космическая система навигации GPS. Свою аналогичную систему ГЛОНАСС позднее начал создавать Советский Союз. Эту систему, хотя и в неполной мере, поддерживает ныне Россия. Свою космическую систему навигации в настоящее время развертывает Китай.

Еще одно перспективное направление — это лазеры. Однако нынешние лазерные системы наземного и морского базирования имеют ограниченную

⁹ Thomas G. Mahnken, “Technology and the American Way of War since 1945,” New York. 2008. P. 12.

¹⁰ Department of The Navy, “Operation and Maintenance, Navy,” Fiscal Year 2013. Budget Estimates, Justification of Estimates.

¹¹ Global Zero U.S. Nuclear Policy Commission Report. Modernizing U.S. Nuclear Strategy, Force Structure and Posture. May 2012, p. 11.

дальность действия. Более эффективными могут стать лазеры космического базирования, но пока они остаются лишь проектами.

В последнее десятилетие в США выдвигаются различные варианты «Быстрого глобального удара», предусматривающего поражение в течение 1 часа любых целей на планете с помощью неядерных ракетных систем. В качестве средств для такого удара рассматривались МБР и БРПЛ с обычными боеголовками. В частности, предполагалось разместить по две БРПЛ с неядерными боеголовками на каждой стратегической подводной лодке типа «Огайо». При этом, согласно условиям нового Договора СНВ, стратегические ракеты с обычными боезарядами должны включаться в общее количество носителей стратегического ядерного оружия, ограничиваемых Договором.

Позднее появилось предложение размещать ракеты средней дальности (2000–3000 миль) с обычными боезарядами на ударных подводных лодках класса «Вирджиния»¹².

Широким фронтом в США ведутся работы по созданию нового класса средств поражения — гиперзвуковых летательных аппаратов для действия на высоте 40–100 км, скорость которых должна составлять до 10 км/сек.

ВВС и ДАРПА начали разработку системы FALCON, которая должна поражать цели на расстоянии 9000 миль. Предлагается также использовать сверхзвуковой летательный аппарат НТВ-2 с дальностью свыше 4000 миль. ВМС проводили работы по созданию системы ArcLight на базе первой ступени ракеты-перехватчика SM-3.

Следует отметить, что в упоминавшемся выше докладе «Модернизация ядерной стратегии» предлагается развернуть 12–20 МБР с неядерными боеголовками (Hypersonic Technology Vehicle-2) в Калифорнии или других регионах США, чтобы они могли, не пролетая над территорией России и Китая, поразить 6 ракетных шахт в КНДР и Иране¹³. По оценкам авторов доклада, США обычными высокоточными средствами поражения смогут без применения ядерного оружия уничтожить 100 % всех необходимых целей в КНДР и Иране.

В последнее десятилетие получили бурное развитие дроны — малозаметные беспилотные летательные аппараты (БЛА), способные выполнять не только разведывательные, но и ударные задачи. В Афганистане БЛА совершают примерно 800 вылетов в месяц. В 2012 году было совершено 333 бомбардировки с помощью дронов в Афганистане, примерно столько же — в Пакистане, а также несколько атак в Йемене и Сомали¹⁴.

¹² Wolf, Amy. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. Congressional Research Service. July 6, 2012, p. 16.

¹³ Global Zero U.S. Nuclear Policy Commission Report. Modernizing U.S. Nuclear Strategy, Force Structure and Posture. May 2012, p. 13.

¹⁴ Danger Room. November 9, 2011.

Некоторые из дронов (Grey Eagle, Predator, Reaper) могут находиться в воздухе более 24 часов и способны на расстоянии в несколько сотен километров поражать цели, в том числе стратегические, мощными высокоточными обычными боеприпасами (такими как ракеты AGM-114 Hellfire или управляемые бомбы GBU-44/B Viper Strike). В настоящее время у США имеется 255 таких БЛА. В ближайшие годы будет закуплено еще 480 дронов этих типов¹⁵. Можно полагать, что в дальнейшем боевые возможности беспилотных летательных аппаратов, их дальность и боевая нагрузка существенно возрастут.

Существенное значение имеет и баланс обычных вооружений в целом. В период холодной войны СССР и Организация Варшавского договора обладали значительным превосходством над США и Североатлантическим альянсом в сухопутных вооруженных силах, но уступали Западу в военно-морских вооружениях. Ныне же США и американские союзники многократно превосходят Российскую Федерацию во всех компонентах обычных вооруженных сил. Согласно последним официальным данным 22 страны НАТО, участвующие в ДОВСЕ, имели в Европе 11 624 танка, 22 788 боевых бронированных машин (ББМ), 13 264 артиллерийские системы калибра 100 мм и более, 3621 боевой самолет, 1085 ударных вертолетов, а Россия — 3660 танков, 7690 ББМ, 4634 артиллерийские системы калибра 100 мм и более, 1542 боевых самолета, 365 ударных вертолетов. Таким образом, Североатлантический альянс превосходит Российскую Федерацию по всем типам вооружений, которые включены в ДОВСЕ: в 3,2 раза по танкам, в 2,9 раза по ББМ, в 2,9 раза по артиллерии, в 2,1 раза по боевым самолетам и в 2,7 раза по ударным вертолетам.

К тому же в 2007 году Москва объявила о моратории на выполнение ДОВСЕ, а в 2011 году прекратили соблюдать условия этого Договора в отношении России и страны НАТО¹⁶. Следует напомнить, что 7 из 28 государств-членов Североатлантического альянса не являются участниками ДОВСЕ, в том числе Эстония, Латвия и Литва, непосредственно граничащие с Российской Федерацией.

ДОВСЕ сыграл определенную роль в снижении уровня военной напряженности в Европе. За 20 лет его действия стороны ликвидировали свыше 70 тыс. единиц вооружений. Однако за последние годы в Европе произошло несколько войн, в том числе на территории бывшей Югославии и бывшего СССР.

Тем не менее ежегодно в середине декабря представители 56 государств — участников ОБСЕ собираются в Вене для обмена информацией

¹⁵ The Washington Post. October 19, 2012.

¹⁶ Arms Control. December 2011.

об их вооруженных силах, военной организации, личном составе и основных системах вооружения и техники. Страны также обмениваются информацией о планировании в области обороны и военных бюджетах на протяжении года. Этот всесторонний обмен информацией проводится в соответствии с наиболее важным инструментом в области мер укрепления доверия и безопасности (МДБ) в регионе ОБСЕ — Венским документом 2011 года.

Вместе с тем ни ДОВСЕ, ни Венский документ не затрагивают наиболее важные элементы современного военно-стратегического баланса. Решающую роль сегодня играют высокоточные системы поражения, беспилотные летательные аппараты, а также информационные системы, обеспечивающие разведку, боевое управление и командование войсками, от которых зависит успех на поле боя¹⁷. Не учитываются и ударные системы морского базирования, такие как крылатые ракеты и палубная авиация, весьма эффективно применявшиеся в военных конфликтах последних десятилетий.

Все большую роль в военно-стратегическом балансе играют системы ПРО, предназначенные для перехвата баллистических и крылатых ракет различных классов. Однако США вышли из Договора по ПРО в одностороннем порядке в июне 2002 года. Администрация Джорджа Буша-младшего объявила о намерении создать эшелонированную ПРО наземного, морского, воздушного и космического базирования. При этом намечалось развернуть Третий позиционный район стратегической ПРО с 10 двухступенчатыми перехватчиками GBI в Польше (а также РЛС в Чехии).

Администрация Барака Обамы в 2009 году радикально изменила приоритеты противоракетной обороны, сделав упор на ПРО на ТВД. Было принято решение ограничить количество противоракет GBI 36 единицами. В то же время администрация Обамы объявила об отказе от Третьего позиционного района в Восточной Европе. Одновременно был провозглашен Европейский поэтапный адаптивный подход (ЕПАП), который должен быть осуществлен в 4 этапа реализации вплоть до 2020 года.

ЕПАП предусматривает развертывание на 4-м этапе (после 2018 года) в Польше и Румынии усовершенствованных перехватчиков SM-3 Block 2B, которые могут осуществлять «ограниченный» перехват МБР. Отсюда возникли опасения, что США могут развернуть в дальнейшем эшелонированную стратегическую ПРО.

Как заявил директор Агентства по ПРО Патрик О'Рейли, «прежде всего программа SM-3 Block 2B предназначена для перехвата МБР, и именно

¹⁷ OSCE Security Days. Contribution by Ambassador Steven Pifer, Director, Brookings Arms Control Initiative. Vienna. June 25, 2012.

с этой целью она разрабатывается»¹⁸. Это — первый эшелон обороны американской территории. По словам помощника министра обороны Брэда Робертса, «целью 4-й фазы Адаптивного подхода является защита территории США»¹⁹.

Кроме того, предусматривается размещение перехватчиков SM-3 на кораблях ВМС США, оснащенных системой «Иджис». К 2020 году в общей сложности 94 таких корабля будут оснащены несколькими сотнями противоракет. При этом группировка кораблей, приписанных к Атлантическому флоту США, может возрасти до 20. Из них примерно треть может находиться в Средиземном и Северном морях. Возможен периодический заход этих кораблей и в прилегающие к берегам России моря — Черное, Балтийское, Баренцево, а это означает прямую возможность осуществлять перехват российских МБР на среднем участке полета.

Согласно оценке авторов доклада по вопросам ПРО, подготовленного в 2012 году под эгидой Национальной академии наук (НАН), системы ПРО «Иджис», ТХААД и «Пэтриот-3», предусмотренные 1–3 фазами ЕПАП, в состоянии обеспечить эффективную комплексную защиту американских войск и союзников в Европе, на Ближнем Востоке и в западной части Тихого океана от баллистических ракет малой и средней дальности²⁰.

В докладе НАН утверждается, что если скорость перехватчиков составит не менее 4 км/с, то для защиты Европы потребуется всего 3–4 района ПРО наземного и морского развертывания. Наличие подобных перехватчиков также позволит обеспечить защиту от попыток помешать доступу вооруженных сил США в западную часть Тихого океана и от ударов по базам на Гуаме и Окинаве.

По мнению авторов доклада, 4-я фаза не нужна для ПРО на ТВД и не является оптимальной для защиты американской территории. Отпадает необходимость осуществления 4-го этапа ЕПАП и развертывания перехватчиков SM-3 Block 2B в Польше и Румынии. Для защиты территории США эксперты НАН считают необходимым создание Третьего позиционного района стратегической ПРО на Восточном побережье США²¹. В этих целях рекомендуется разработка нового стратегического перехватчика с

¹⁸ Hearing to Receive Testimony on Ballistic Missile Defense Policies and Programs in Review of the Defense Authorization Request for the Fiscal Year 2013 and the Future Years Defense Programs. April 25, 2012, p. 15.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Making Sense of Ballistic Missile Defense: An Assessment of Concepts and Systems for U.S. Boost-Phase Missile Defense in Comparison to Other Alternatives. Committee on an Assessment of Concepts and Systems for U.S. Boost-Phase Missile Defense in Comparison to Other Alternatives Division on Engineering and Physical Sciences. National Research Council of National Academies. Wash., 2012, p. S-10.

²¹ Ibidem, p. S-13.

использованием 1-й и 2-й ступеней перехватчика КЕИ, работа над которым была прекращена администрацией Обамы еще в 2009 году.

В полицентричном мире военно-стратегический баланс нельзя, как в годы холодной войны, сводить только к стратегическим ядерным силам США и России, хотя на их долю все еще приходится более 90 % существующих ядерных арсеналов. Согласно новому Договору СНВ Россия и США остановились — как по боезарядам, так и по носителям — на уровне, который все еще существенно превышает арсеналы этих вооружений, которые есть у других ядерных держав.

В настоящее время в мире имеется, помимо России и США, примерно 1 тыс. ядерных зарядов, находящихся на вооружении Китая, Франции, Великобритании, Индии, Пакистана, Израиля и Северной Кореи²².

Это означает, что другие ядерные державы не могут по-прежнему оставаться вне режима контроля над ядерным оружием. К нему должны постепенно подключаться и другие обладатели ядерного оружия. Процесс разоружения, в том числе ядерного, должен перестать быть двухсторонним и обрести многосторонний характер. Вопросы контроля над вооружениями в ядерной сфере требуют поиска коллективного решения имеющихся здесь проблем. Это требует постепенного вовлечения в переговорный процесс других членов «ядерного клуба», подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Особенно важно участие в этом процессе Китая, имеющего 50–75 МБР²³ и обладающего потенциалом для многократного увеличения своих ядерных сил. Поскольку большинство китайских ракетных систем и самолетов дальней и фронтовой авиации имеют двойное назначение, то есть могут использоваться как с обычными, так и ядерными боезарядами, ряд специалистов считает, что ядерный арсенал КНР многократно превышает общепринятую на Западе оценку (180–220 боезарядов) и достигает 500 и даже 900 боеголовок²⁴. Ситуацию осложняют утверждения о сети гигантских подземных тоннелей, в которых могут секретно храниться китайские ядерные вооружения²⁵. Некоторые американские эксперты утверждают, что КНР больше не придерживается минимального сдерживания, а преследует более амбициозные цели, намереваясь сравняться с ядерными сверхдержавами к

²² The Bulletin of the Atomic Scientists. July/August 2010.

²³ Office of the Secretary of Defense, Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2012 (Washington, DC: Department of Defense, 2012), p. 43.

²⁴ 2012 Annual Report of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Washington, November 2012, p. 176.

²⁵ Phillip Karber. Strategic Implications of China's Underground Great Wall. Georgetown University Asian Arms Control Project. September 11, 2011.

середине нынешнего столетия²⁶. Эта неопределенность может помешать дальнейшим сокращениям ядерных арсеналов России и США, если Пекин не согласится прояснить реальную ситуацию.

Есть и более сложная задача — обеспечить в процессе дальнейших переговоров учет ядерных потенциалов, которыми располагают государства, не являющиеся участниками ДНЯО, — Израиль, Индия, Пакистан, КНДР. С одной стороны, нельзя официально признавать их ядерными государствами. С другой стороны, необходимо найти приемлемые подходы к тому, как эти потенциалы могут быть вовлечены в разоруженческий процесс.

НУЖНЫ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Как представляется, в XXI веке созданный в годы холодной войны механизм контроля над вооружениями на основе юридически обязывающих договоренностей (установление количественных потолков, меры верификации и проверки) вряд ли применим в отношении возможного регулирования многих компонентов современного военно-стратегического баланса как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

Традиционный механизм контроля над вооружениями все еще может быть эффективным в сфере ядерных вооружений России и США, что было подтверждено в новом Договоре СНВ, хотя по-прежнему за рамками этого механизма остаются нестратегические ядерные вооружения двух стран. На наш взгляд, теоретически возможно достижение новых российско-американских юридически обязывающих договоренностей по ядерному оружию. Однако крайне сомнительно, что удастся добиться заключения нового юридически обязательного соглашения по ограничению противоракетной обороны (Договор ПРО–2). Вряд ли возможно и необходимо реанимировать и ДОВСЕ, хотя необходимо продолжать поиск договоренностей о новом международно-правовом режиме контроля над вооружениями с участием всех европейских стран.

С учетом сказанного, видимо, требуется разработка новых инструментов регулирования военно-стратегического баланса, которые должны дополнять юридически обязательные договоренности. Поддержание и укрепление военно-стратегической стабильности — это процесс, который должен обеспечивать предсказуемость ситуации, избегать резкого нарушения баланса, неоправданных расходов на гонку вооружений и предотвращать возникновение и эскалацию военно-политических кризисов.

²⁶ The Atlantic. March 27, 2012.

Одним из таких инструментов могут стать меры доверия и транспарентности в отношении, например, некоторых компонентов военно-стратегического баланса. Стороны должны осознать необходимость проявлять сдержанность и не пытаться добиваться превосходства, которое, как свидетельствует история, носит временный характер и оборачивается новым опасным витком гонки вооружений.

Можно полагать, что такие меры могут включать односторонние, но параллельные шаги, как на двустороннем (например, между Россией и США или Китаем и Индией) уровне. Такие меры могут затрагивать как количественные параметры определенных типов вооружений, так и предоставление сведений об их оперативной деятельности. Эти меры могут приниматься на основе политических договоренностей, а не договорных юридических обязательств.

Другой формой поддержания стратегической стабильности могут стать кооперационные действия по обеспечению совместной безопасности и совместной обороны. В этой связи можно напомнить, что создание Североатлантического альянса привело к тому, что военное столкновение между государствами — членами НАТО практически исключено, хотя исторически они многократно воевали друг с другом. Бывшие противники стали союзниками, разногласия между которыми больше не могут привести к вооруженным конфликтам. Думается, что этот опыт весьма полезен и для будущего взаимодействия России и США, которые никогда не были противниками, в многополярной системе международных отношений. Более того, Вашингтон и Москва были союзниками во Второй мировой войне несмотря на идеологические противоречия.

Таким образом, стабильность военно-стратегического баланса в XXI столетии может основываться на трех опорах:

1. Договорные обязательства по ограничению и сокращению вооружений.
2. Меры доверия и транспарентности на основе политических обязательств.
3. Сотрудничество в сфере безопасности и обороны на основе взаимных политических и юридических обязательств.

ДОКЛАД ДВИЖЕНИЯ «ГЛОБАЛЬНЫЙ НОЛЬ»

В США ряд экспертов предлагает в ближайшие годы провести дальнейшие сокращения ядерных вооружений. Например, сотрудники Брукингского института Стив Пайфер и Майкл О'Ханлон считают возможным сократить количество развернутых стратегических боеголовок до 1000 единиц,

а общее количество развернутых и неразвернутых ядерных зарядов — до 2000–2500 единиц²⁷. Еще более радикальное сокращение (до 500 развернутых ядерных боеголовок) предложил президент Ассоциации контроля над вооружениями Дерек Кимболл²⁸.

Однако наибольший интерес вызвал уже упоминавшийся выше доклад «Модернизация ядерной стратегии», подготовленный под эгидой движения «Глобальный ноль». Авторы доклада излагают план одностороннего сокращения ядерных сил США в пять раз — до уровня в 900 боеголовок (вместо 5 тыс. в настоящее время). Из них половина будет находиться в пониженном состоянии боеготовности (применение возможно через несколько дней, а не часов), а вторая половина — в резерве. Развернутые ядерные заряды могут быть использованы через 24–72 часа, а резервные — через 6 месяцев²⁹.

Состав стратегических сил США должен включать 10 стратегических подводных лодок (720 боеголовок, в том числе 360 развернутых и 360 в резерве) и 18 бомбардировщиков В-2 (180 ядерных бомб свободного падения, в том числе 90 развернутых и 90 в резерве). Предлагается, чтобы на боевом патрулировании находились четыре стратегические подлодки в Тихом океане и две в Атлантическом океане. Все американские МБР, а также тактические ядерные вооружения должны быть ликвидированы³⁰.

Таким образом, у США будет не более 270 ядерных боеголовок на БРПЛ для нанесения упреждающего удара, что явно недостаточно для поражения всех стратегических целей на территории России. В случае от мобилизации всего американского ядерного потенциала для удара по российским целям могут быть использованы следующие силы: 325 боезарядов для поражения шахт МБР, 110 боезарядов для поражения пунктов управления, 136 боезарядов для уничтожения военно-промышленных объектов, а 80 боезарядов будет предназначено для нанесения удара по Москве.

При этом для удара по Китаю выделяются следующие силы: 85 боезарядов для поражения шахт МБР, 33 боезаряда для поражения пунктов управления, 136 боезарядов для уничтожения военно-промышленных объектов. Для поражения целей в КНДР и Иране выделяется по 40 ядерных боезарядов³¹.

Авторы доклада признают озабоченность России развертыванием американской ПРО, особенно перехватчиков SM-3 Block 2В на четвертом этапе ЕПАП. Отказ Вашингтона предоставить гарантии ненаправленности ПРО

²⁷ The Los Angeles Times. October 19, 2012.

²⁸ Arms Control Today. October 2012.

²⁹ Global Zero U.S. Nuclear Policy Commission Report. Modernizing U.S. Nuclear Strategy, Force Structure and Posture. May 2012, p. 9.

³⁰ Ibidem, p. 7.

³¹ Ibidem, p. 10.

против России привел к тому, что «Россия ожидает продолжение эволюции американской программы ПРО, включая все более опасные варианты (ударные космические системы на 5-м и 6-м этапах)»³².

В докладе движения «Глобальный ноль» утверждается, что радикальное сокращение и снижение уровня боеготовности ядерных сил США создаст условия для достижения российско-американских договоренностей по ПРО. «Ликвидировав техническую угрозу внезапного американского первого ядерного удара, США теоретически больше не смогут уничтожить основные стратегические силы России, поэтому исчезнет и перспектива зачистки небольшого количества уцелевших российских ракет с помощью американской противоракетной обороны»³³.

Таким образом, предлагаемый в докладе подход в определенной степени признает обоснованность российской озабоченности в связи с угрозами для СЯС России со стороны неядерных сил США.

Движение «Глобальный ноль» добивается полного уничтожения ядерного оружия. На политическом уровне эту цель поддерживают и руководители России и США. Пока нет ясности, как добиться решения этой задачи. Но, несомненно, этот процесс пройдет через несколько этапов. Доклад «Модернизация ядерной стратегии» исходит из возможности заключения нового двустороннего российско-американского договора о дальнейшем сокращении ядерных арсеналов. По нашему мнению, для этого необходим учет озабоченностей России в отношении неядерных компонентов военно-стратегического баланса, где США обладают значительными преимуществами. Для этого необходимы договоренности двух стран, которые могут носить как юридический, так и политический характер и сопровождаться мерами доверия, обеспечивающими необходимую транспарентность.

Рассмотрим возможные решения.

1. Противоракетная оборона

По нашему мнению, развертывание стратегической противоракетной обороны должно быть заморожено примерно на нынешнем уровне (36 развернутых перехватчиков GBI плюс небольшое количество неразвернутых перехватчиков в резерве) на Аляске и в Калифорнии. США не должны разворачивать Третий позиционный район стратегической ПРО ни в Европе, ни на восточном побережье Соединенных Штатов.

В случае возрастания ракетно-ядерной угрозы со стороны других стран (Северная Корея, Иран) США могут развернуть дополнительное количество

³² Ibidem, p. 17.

³³ Ibidem, p. 18.

стратегических перехватчиков, но их общее количество должно составлять не более 50–100 единиц, то есть уровень, установленный Протоколом 1974 года к Договору по ПРО.

Естественно, это подразумевает отказ от попыток развернуть космический эшелон противоракетной обороны.

Американская сторона должна регулярно (не реже двух раз в год) информировать Российскую Федерацию о наличных средствах ПРО и планах возможного дополнительного развертывания средств ПРО. Кроме того, должно быть реализовано американское предложение о приглашении российских экспертов на испытания ракет-перехватчиков SM-3 и других перспективных систем ПРО.

Что касается ЕвроПРО, то четвертая фаза ЕПАП с развертыванием ракет-перехватчиков SM-3 Block 2B должна быть заморожена, поскольку развертывание на третьей фазе ЕПАП 48 ракет-перехватчиков SM-3 Block 2A в Румынии и Польше более чем достаточно для защиты от имеющихся и перспективных иранских ракет средней дальности.

Количество постоянно базирующихся в Европе американских кораблей, оснащенных перехватчиками SM-3 различных модификаций, целесообразно ограничить нынешним уровнем (4 единицы). При этом американские корабли не базируются в Черном, Балтийском и Баренцевом морях.

Как представляется, в случае возникновения кризисной ситуации группировка американских кораблей с перехватчиками SM-3 в Средиземном и Северном морях может быть увеличена до 8 единиц, о чем заблаговременно должна быть проинформирована Российская Федерация.

Вместе с тем мы убеждены, что Россия и США/НАТО должны договориться об оперативном взаимодействии и совместимости своих систем ПРО, предназначенных для защиты от ракет меньшей и средней дальности. С этой целью могут быть созданы, как и предлагалось ранее, два центра обмена и интеграции данных о ракетном нападении и распределении задач по перехвату ракет третьей стороны. Это может потребовать заключения соответствующего Исполнительного соглашения между США или Россией, а также соглашения между Россией и НАТО.

При этом США и Россия строго соблюдают свои обязательства по Договору РСМД, то есть не имеют баллистических ракет дальностью от 500 до 5500 км.

В дальнейшем, если появится достоверная информация о создании Ираном межконтинентальных баллистических ракет, то стороны должны договориться о принятии дополнительных мер по обеспечению противоракетной обороны от качественно возросшей угрозы.

Вместе с тем возможно и сотрудничество России и США в сфере ПРО на ТВД для борьбы с ракетами малой и средней дальности. Подробно

проблема ПРО анализируется в докладе, посвященном проблеме противоракетной обороны в отношениях России и США³⁴, выдержки из которого были опубликованы в «Независимом военном обозрении».

2. Неядерные стратегические наступательные вооружения

В случае создания американской стороной средств «Глобального быстрого удара» с использованием баллистических и небаллистических траекторий их полета количество таких средств не должно превышать 12–20 единиц, как это предлагается авторами доклада движения «Глобальный ноль».

По нашему мнению, указанные средства должны быть учтены в общем количестве развернутых носителей и ядерных боеголовок при определении параметров новых юридических договоренностей между США и Россией по сокращению СНВ. Это касается и проведения инспекций соответствующих пусковых установок.

Неприемлемым представляется рассматриваемое Пентагоном предложение о реализации «Глобального быстрого удара» с использованием баллистических ракет средней дальности на подводных лодках класса «Вирджиния» (SSN-744). Это предложение носит явно дестабилизирующий характер.

Во-первых, наличие баллистических ракет средней дальности на подводных лодках класса «Вирджиния» резко изменит военно-стратегический баланс в пользу США, позволяя им наносить удары с подлетным временем 10–15 минут по стратегическим целям на территории Российской Федерации. Включение же этих средств в параметры договоренностей по СНВ вряд ли осуществимо.

Во-вторых, создание нового класса баллистических ракет средней дальности может привести к подрыву Договора РСМД. Ведь у России также может появиться стимул к развертыванию собственных баллистических ракет средней дальности, учитывая, что такие ракеты имеются у Северной Кореи, КНР, Индии, Пакистана, Ирана и целого ряда ближневосточных государств, которые отвергли предложение Москвы о присоединении к обязательствам по Договору РСМД.

В-третьих, существенную дестабилизирующую роль играет наличие у ВМС США на надводных кораблях и подводных лодках около 4 тыс. высокоточных крылатых ракет, способных поражать некоторые стратегические цели. В случае реализации предлагаемых в докладе движения «Глобальный

³⁴ Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. Доклад РСМД № 5, 2012.

ноль» радикальных сокращений стратегических ядерных средств можно полагать, что уменьшится и в полтора-два раза количество стратегических целей для гипотетического упреждающего удара. В результате Соединенные Штаты обретут возможность поражать высокоточными обычными средствами не 30, а 50–70 % сократившегося количества целей на территории России.

Это может воспрепятствовать согласию России на сокращение СЯС. Поэтому размещение на подводных лодках класса «Вирджиния» как высокоточных крылатых ракет, так и баллистических ракет средней дальности окажет крайне негативное воздействие на ситуацию в военно-морской сфере, где США уже обладают абсолютным превосходством.

3. Новые меры доверия в военно-морской сфере

Решение проблемы стратегических неядерных вооружений морского базирования, как представляется, возможно путем заключения новой российско-американской договоренности о мерах доверия и обеспечении транспарентности на море. Оно должно дополнить доказавшее свою эффективность Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 года.

Кроме того, с 2003 года вступил в действие Документ о мерах укрепления доверия и безопасности в военно-морской области на Черном море³⁵. Меры носят политически обязательный характер. Это первый прецедент распространения мер доверия на деятельность военно-морских сил: обмен информацией, ежегодными планами военно-морской деятельности и предварительное уведомление о ней. В документе содержится широкий спектр добровольных форм сотрудничества: совместные учения, заходы кораблей, обмены делегациями, взаимные посещения на основе ежегодной ротации военно-морских баз, «ежегодные учения доверия» (приглашение на учения кораблей или наблюдателей).

Думается, что это — хороший прецедент для возможных новых договоренностей России и США о дополнительных мерах доверия.

Как представляется, при соблюдении принципа свободы мореплавания стороны могли бы договориться заблаговременно извещать друг друга о нахождении своих надводных кораблей и подводных лодок в определенных зонах Мирового океана, примыкающих примерно на 500 миль к территории другой стороны. Это может охватывать побережье Тихого и Атлантического океана, а также Мексиканского залива для США и акватории Черного, Балтийского, Баренцева, Охотского и Японского морей для Российской Федерации.

³⁵ Участники — шесть государств: Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция и Украина.

Необходимо подчеркнуть, что, хотя заход надводных кораблей и подводных лодок в эти географические районы не будет запрещен, уменьшатся опасения по поводу возможного нанесения внезапного обезоруживающего и обезглавливающего удара в результате скрытного развертывания военно-морских сил вблизи побережья другой стороны.

Наряду с этим такие меры доверия во многом снизят угрозу перехвата российских МБР и БРПЛ американскими кораблями, оснащенными системой «Иджис» с ракетами-перехватчиками SM-3 различных модификаций, на начальном и среднем участках их полета.

Учитывая печально известный эпизод с заходом в августе 2008 года американского крейсера «Монтерей» в Черное море, нельзя не признать обоснованность опасений российской стороны по поводу возможного развертывания группировки ВМС США, оснащенной как крылатыми ракетами, так и ракетами-перехватчиками, в акваториях Балтийского и Баренцева морей. Необходимо не допускать повторения подобных ситуаций.

По нашему мнению, предлагаемые новые договоренности о мерах доверия и транспарентности могли бы включать:

- ограничение количества противоракет SM-3 на кораблях, находящихся в море (например, не более 30 % от боекомплекта). Приглашение российских наблюдателей на корабли или заход в российский порт, для подтверждения такой загрузки;
- предоставление ежегодной информации о количестве таких кораблей и их загрузке, а также предварительных планов по их военно-морской деятельности;
- приглашение российских наблюдателей на учения с фактическим использованием корабельных систем ПРО (не менее одного раза в год);
- предварительные уведомления о проведении учений систем ПРО;
- проведение различного рода совместных учений при участии российских кораблей в Атлантике или Средиземном и Северном морях.

4. Нестратегические ядерные вооружения

Если ядерные вооружения межконтинентальной, средней и меньшей дальности регулируются юридическими обязательствами по договорам СНВ и РСМД, то тактическое ядерное оружие (ТЯО) дальностью до 500 км никогда не было ограничено никакими договорами. Правда, в 1991 году США и СССР, а позднее — Российская Федерация, выступили с параллельными односторонними политическими декларациями о сокращении арсеналов ТЯО. При этом не было предусмотрено никаких мер по проверке и верификации. Тем не менее считается, что обе стороны в основном выполнили свои обещания.

В последние годы США отказались от большинства типов ТЯО, включая КРМБ с ядерными боеголовками. Общее количество американских тактических боезарядов, по имеющимся оценкам, составляет около 760 единиц³⁶. В перспективе у Пентагона останется только один тип ТЯО – бомбы свободного падения В61, предназначенные для оснащения фронтовой авиации (500 единиц). Часть из них (примерно 150–250 единиц³⁷) хранится на 6 американских авиабазах в Европе и Турции. Остальные находятся на территории США. Однако этими же бомбами оснащаются и стратегические бомбардировщики В-52, которые включены в параметры нового Договора СНВ. Но по правилам зачета этого Договора за каждым таким бомбардировщиком засчитывается только один ядерный боезаряд. Остальные авиационные ядерные вооружения (бомбы и ракеты) считаются неразвернутыми и не входят в лимит 1550 развернутых ядерных боеголовок.

Что касается России, то, к сожалению, официальные данные по нестратегическим ядерным вооружениям у нас никогда не публиковались. По наиболее реалистичным экспертным западным оценкам, у России имеется примерно 2 тыс. боезарядов ТЯО. Из них примерно одна треть (около 700 единиц) относится к вооружениям систем ПВО и ПРО. Еще около 400 — к морским системам (мины, торпеды, тактические ракеты). Таким образом, количество ядерных авиабомб и ракетных боезарядов (дальностью до 500 км) не превышает 900 единиц³⁸.

Следует отметить: многие эксперты считают, что российские тактические ядерные вооружения в определенной степени компенсируют сложившуюся в Европе асимметричную ситуацию в обычных вооружениях, о чем уже говорилось выше. Напомним, что в разгар холодной войны США развернули в Западной Европе 7 тыс. единиц ТЯО, чтобы компенсировать советское превосходство в обычных вооружениях.

При ратификации нового Договора СНВ сенат США зафиксировал требование включения ТЯО в любые новые юридические договоренности о сокращении ядерного оружия. Соответствующие официальные и неофициальные предложения в последнее время выдвигаются американской стороной на самых разных уровнях. НАТО призывает сократить российские тактические ядерные вооружения или вывести их из Европы в Азию.

Однако Российская Федерация отказывается от ведения переговоров по этому вопросу, пока американское ТЯО не будет выведено на территорию

³⁶ Bulletin of Atomic Scientists. September/October 2012.

³⁷ Reducing Nuclear Risks in Europe. Edited by Steve Andreasen and Isabelle Williams. NTI, 2011, p. 16.

³⁸ The Bulletin of the Atomic Scientists. September/October 2011.

США из Европы. Ситуация усугубляется в силу того, что прекратил выполняться ДОВСЕ, который предусматривал количественные ограничения и верификацию фронтовой авиации, включая истребители-бомбардировщики, являющиеся носителями ядерного оружия.

Кроме того, в Европе находятся еще две ядерные державы — члены НАТО. На вооружении Франции и Великобритании находится примерно 500 ядерных боезарядов³⁹. Однако эти страны, как и Китай, категорически отказываются принимать на себя какие-либо международно-правовые обязательства по ограничению и сокращению ядерного оружия. Но Россия не может не учитывать английские и французские системы при оценке ядерного баланса в Европе.

Таким образом, всего на Европейском ТВД у стран НАТО имеется примерно 650–750 ядерных авиабомб и ракетных боеголовок, без учета американских стратегических ядерных вооружений, попадающих под ограничения нового Договора СНВ.

Это — примерно столько же, сколько имеется у России, если не учитывать ядерные средства ВМФ, ПВО и ПРО. Но часть из 900 тактических боезарядов находится в азиатской части Российской Федерации.

Поэтому, как представляется, добиться юридически обязывающей договоренности по ТЯО между Россией и США вряд ли удастся. Слишком велики асимметрии в позициях сторон.

В этих условиях выход из ситуации, видимо, заключается в том, чтобы включить ТЯО в новые российско-американские договоренности о сокращении ядерных вооружений, отказавшись от достигнутого еще в 1972 году искусственного разделения ядерного оружия на стратегическое и нестратегическое.

При этом ТЯО будет соответствовать принятому в новом Договоре СНВ определению неразвернутых боезарядов. Но это потребует согласия сторон на концентрацию всех тактических ядерных боезарядов на базах центрального хранения.

Таким образом, представляется целесообразным установление общего количественного потолка для всех классов ядерных вооружений. В результате в какой-то степени будет учтена озабоченность России превосходством США по т. н. возвратному потенциалу стратегических ядерных вооружений, где американская сторона обладает значительным количественным превосходством, и озабоченность США количественным превосходством России в тактических ядерных боезарядах.

³⁹ Ibidem..

5. Ядерное оружие третьих стран.

В пользу такого подхода свидетельствует и то обстоятельство, что у всех других ядерных государств отсутствует разделение на стратегическое и тактическое ядерное оружие. Подключение этих стран к процессу ядерного разоружения, которое могло бы произойти лет через 5–10, сделает необходимым учет всех классов ядерного оружия независимо от дальности средств его доставки.

Представляется, что это позволяет России и США сократить свои ядерные арсеналы до уровня примерно в 1000 развернутых ядерных боезарядов (то есть суммарное количество ядерных вооружений третьих стран), хотя нельзя исключать и более глубоких сокращений, как это предлагают авторы доклада движения «Глобальный ноль».

Но это представляется возможным только в случае, если другие ядерные державы примут политическое обязательство об отказе от наращивания своих ядерных арсеналов. Важную роль могли бы сыграть такие декларативные шаги, как предоставление информации о количестве имеющихся ядерных вооружений, а также планах модернизации ядерных арсеналов, если такие намерения имеются.

Кроме того, целесообразно добиваться согласия третьих ядерных государств на выборочные меры доверия и транспарентности.

В XXI веке требуется всеобъемлющий процесс переговоров с участием всех ядерных государств. Нельзя допустить, чтобы одни ядерные государства разоружались, а другие в это время наращивали свои ядерные арсеналы. Такой обмен мнениями, видимо, следует начинать в рамках официально признанной «ядерной пятерки» (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция). Первоочередной шаг — достижение договоренностей по вопросам ненаращивания, транспарентности и верификации ядерных арсеналов, что создаст основу для последующих формальных переговоров по контролю над ядерными вооружениями.

В целом проблема универсализации процесса ядерного разоружения заслуживает всестороннего изучения с обязательным участием представителей как официально признанных (Китай, Франция, Великобритания), так и де-юре непризнанных ядерных государств (Индия, Пакистан, Израиль, КНДР). Иначе «ядерный клуб» могут пополнить Иран и ряд других стран, и режим нераспространения окончательно рухнет.

ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ОПЕРАТИВНЫЙ СТАТУС ЯДЕРНЫХ СИЛ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

В настоящее время ядерные арсеналы России и США значительно превышают то, что необходимо для удовлетворения разумных потребностей ядерного сдерживания между двумя странами, а также по отношению к третьим странам.

По официальным данным, согласно правилам зачета нового Договора СНВ, на 1 сентября 2012 года у США имелось 808 развернутых пусковых установок (ПУ) МБР и БРПЛ, а также тяжелых бомбардировщиков (ТБ) и 1737 ядерных боезарядов, у России — соответственно 491 ПУ и ТБ и 1499 боезарядов. Кроме того, у США имелось 228 неразвернутых ПУ, а у России — 393⁴⁰.

В случае, если Вашингтон и Москва договорятся о взаимоприемлемом решении проблемы ПРО и начнется серьезное обсуждение других проблем, связанных с современным пониманием военно-стратегического баланса, то вполне возможна реализация тех предложений о дальнейших сокращениях СЯС, которые изложены в докладе движения «Глобальный ноль». А каковым в этом случае может быть состав и оперативный статус ядерных сил Российской Федерации?

Исходя из реальных потребностей обеспечения ядерного сдерживания, представляется возможным и достижимым в течение 10 лет (к 2022 году) России и США снизить свой ядерный потенциал более существенно, чем это предусмотрено имеющимися договоренностями (в СЯС 700 развернутых ПУ и ТБ и 1550 развернутых боезарядов на них).

Представляется целесообразным рассмотреть три варианта возможного состава ядерных сил России к 2022 году.

Вариант 1. В ядерных силах — 2500 боезарядов: 1800 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной оперативной готовности и 700 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия.

При этом для осуществления ядерного сдерживания содержится в развернутом состоянии 900 единиц стратегического ядерного оружия, а остальное находится в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 350 МБР, оснащенных 1000 боеголовками (500 развернутых, 500 в резерве), 12 ПЛАРБ с 192 БРПЛ и 600 боеголовками на них (300 развернутых, 300 в резерве) и 25 тяжелых бомбардировщиков с предназначенными для них 200 КРВБ.

⁴⁰ Department of State. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Fact Sheet. October 3, 2012.

Таблица 1.

Возможный состав ядерных сил России к 2022 году

Всего боезарядов в ядерных силах	2500
из них:	
стратегических в модернизированной оперативной готовности	1800
нестратегических неразвернутых	700
Всего стратегических боезарядов развернутых,	900
в том числе	
на 350 МБР	500
на 12 ПЛАРБ с 192 БРПЛ	300
для 25 тяжелых бомбардировщиков	100
Всего стратегических боезарядов в активном резерве,	900
в том числе предназначенных к установке	
на МБР	500
на БРПЛ	300
для тяжелых бомбардировщиков	100

Вариант 2. В ядерных силах — 2000 боезарядов: 1400 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной оперативной готовности и 600 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия.

При этом для осуществления ядерного сдерживания содержится в развернутом состоянии 700 единиц стратегического ядерного оружия, а остальное находится в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 310 МБР, оснащенных 750 боеголовками (375 развернутых, 375 в резерве), 10 ПЛАРБ с 160 БРПЛ и 460 боеголовками на них (230 развернутых, 230 в резерве) и 20 тяжелых бомбардировщиков с предназначенными для них 190 КРВБ.

Таблица 2.

Возможный состав ядерных сил России к 2022 году

Всего боезарядов в ядерных силах	2000
из них:	
стратегических в модернизированной оперативной готовности	1400
нестратегических неразвернутых	600
Всего стратегических боезарядов развернутых,	700

в том числе	
на 310 МБР	375
на 10 ПЛАРБ с 160 БРПЛ	230
для 20 тяжелых бомбардировщиков	95
Всего стратегических боезарядов в активном резерве,	700
в том числе предназначенных к установке	
на МБР	375
на БРПЛ	230
для тяжелых бомбардировщиков	95

Вариант 3. В ядерных силах — 1500 боезарядов: 1000 единиц стратегического ядерного оружия в модифицированной оперативной готовности и 500 единиц неразвернутого нестратегического ядерного оружия.

Таблица 3.

Возможный состав ядерных сил России к 2022 году

Всего боезарядов в ядерных силах	1500
из них:	
стратегических в модернизированной оперативной готовности	1000
нестратегических неразвернутых	500
Всего стратегических боезарядов развернутых,	500
в том числе	
на 270 МБР	500
на 8 ПЛАРБ с 128 БРПЛ	270
для 15 тяжелых бомбардировщиков	90
Всего стратегических боезарядов в активном резерве,	500
в том числе предназначенных к установке	
на МБР	500
на БРПЛ	270
для тяжелых бомбардировщиков	90

При этом для осуществления ядерного сдерживания содержится в развернутом состоянии 500 единиц стратегического ядерного оружия, а остальное находится в активном резерве. В этом случае структурно стратегические ядерные силы могут состоять из 270 МБР, оснащенных 540 боеголовками (270 развернутых, 270 в резерве), 8 ПЛАРБ с 128 БРПЛ и 280 боеголовками

на них (140 развернутых, 140 в резерве) и 15 тяжелых бомбардировщиков с предназначенными для них 180 КРВБ.

Ядерное оружие, содержащееся в активном резерве, может быть взято из хранилищ и загружено на носители в течение периода от нескольких недель до нескольких месяцев (что нельзя сделать незаметно). Причем большую часть (до 80–85 %) развернутого стратегического ядерного оружия допустимо содержать в пониженной готовности (с восстановлением ее через 24–72 часа).

При повседневной деятельности достаточно иметь две ПЛАРБ на боевом патрулировании в море в часовой готовности к пуску БРПЛ, оснащенных суммарно 70 боеголовками. В чрезвычайной ситуации еще две ПЛАРБ, находящиеся в базах и вооруженные семью десятками дополнительных боеголовок, могут быть выведены в море в течение нескольких часов.

За 24–72 часа может быть восстановлена готовность 135 МБР с 270 боеголовками, а на все 15 тяжелых бомбардировщиков загружены 180 КРВБ.

Таким образом, спустя 72 часа количество развернутого и готового к немедленному применению стратегического ядерного оружия у России достигнет 590 единиц. Этого вполне достаточно для адекватного реагирования на чрезвычайную ситуацию.

При затяжном ядерном кризисе или резком ухудшении геостратегических отношений между Россией и США или Китаем длящийся период в несколько недель или месяцев предоставил бы возможность привести в готовность все 1000 единиц стратегического ядерного оружия.

Как представляется, первый и второй вариант сокращений Москва и Вашингтон могли бы осуществить и без непосредственного подключения других ядерных государств к разоруженческому процессу. По нашему мнению, наиболее предпочтительным представляется третий вариант, если исходить из серьезности намерений политического руководства России и США продвигаться к безъядерному миру. Однако он вряд ли может быть реализован без участия других государств, обладающих ядерным оружием, прежде всего — Китая.

Способность СЯС России доставить к целям 1000 стратегических ядерных боезарядов создает угрозу нанесения неприемлемого ущерба для любого потенциального агрессора. Тем самым задача ядерного сдерживания гарантированно решается, если будут учтены высказанные выше соображения относительно неядерных стратегических вооружений.

Исходя из реалий, Россия может ограничить свой ядерный арсенал по толком в 1500 ядерных боезарядов в активном запасе — стратегические и нестратегические (тактические), развернутые и неразвернутые (складированные и предназначенные к выдаче в войска). Эти шаги могли бы быть

предприняты в унисон с США (но не обязательно симметрично) при условии урегулирования тех дестабилизирующих проблем, которые связаны с развертыванием и наращиванием систем стратегической ПРО, высокоточных обычных вооружений большой дальности и отказом от развертывания в космосе любых ударных систем.

Существующая высокая оперативная готовность к пуску стратегических ядерных ракет России и США создает неоправданный риск и порождает недоверие между этими странами. Невозможно ныне представить ситуацию, когда Россия или США вдруг решились бы нанести упреждающий ракетно-ядерный удар в отношении другой стороны. Для этого просто нет мотивации. Поэтому готовность к пуску ядерных ракет должна быть снижена и приведена в соответствие с существующими военно-политическими реалиями в российско-американских отношениях.

Если даже пойти на такой шаг, как перевод всех ядерных ракет России и США в пониженную готовность, то от этого способность Москвы и Вашингтона осуществлять ядерное сдерживание не пострадает, поскольку у других ядерных государств в обозримой перспективе отсутствует какая-либо мотивация к внезапному ядерному нападению на Россию или США.

Обладание Россией нестратегическим ядерным оружием рассматривается ее военно-политическим руководством как важнейший фактор обеспечения сдерживания на региональном уровне других государств (коалиции государств) от попыток разрешения возникающих противоречий с Российской Федерацией военными средствами, а в случае развязывания агрессии — для ее отражения (прекращения) без тех катастрофических последствий, которые присущи применению стратегического ядерного оружия. Такой подход к роли и значимости нестратегического ядерного оружия обусловлен произошедшими в конце XX — начале XXI века изменениями соотношения военных потенциалов не в пользу России на всех стратегических направлениях, усугублёнными ослаблением сил общего назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. Поэтому, в отличие от США, которые не испытывают потребности в сдерживании своих соседей, Россия не может отказаться от нестратегического ядерного оружия.

Вместе с тем, как представляется, в современных реалиях имеющийся у России арсенал нестратегического ядерного оружия является избыточным (по оценке, активный запас российского нестратегического ядерного оружия составляет порядка 2000 единиц). Его можно уменьшить примерно до 500 единиц, избавившись полностью от тех типов ядерного оружия, которые утратили свою военную значимость (боеголовки зенитных ракет, глубинные бомбы, мины и т. п.), и сократив количество тактических авиационных ядерных ракет и бомб.

Этого количества нестратегического ядерного оружия вполне достаточно для осуществления регионального ядерного сдерживания. При крупномасштабном вооруженном конфликте, который маловероятен, но всё же возможен, России в любом случае придется опираться в обеспечении своей военной безопасности на весь ее ядерный арсенал.

* * *

Конечно, российско-американские договоренности по сокращению ядерного оружия, описанные выше, не могут быть достаточными для поддержания военно-стратегического баланса, если мы принимаем «широкое» определение стратегической стабильности, которое, с одной стороны, должно учитывать неядерные стратегические системы, а с другой — многополярный характер современного мира. Особо следует отметить, что на устойчивость военно-стратегического баланса в мире все большее воздействие будет оказывать сдерживание милитаризации космоса и развития кибернетического оружия. Очевидно, поддержание стратегической стабильности в многополярном мире в XXI веке потребует новых усилий для решения серьезных угроз, возникающих в этих сферах военного соперничества.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ:

**ПОИСКИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО
КОНСЕНСУСА В XXI ВЕКЕ**

Издательство «Спецкнига»
т. (495) 744-6179
www.specialbook.net

Верстка — В.В. Брызгалова

На обложке использовано фото
<http://www.wallpaperhd.info/>

Подписано в печать 14.12.2012. Формат 70×100/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Гарнитура Варнок Про. Усл. печ. л. 4,0.
Тираж 500 экз.